

Справедливости - всем

Автор:

Евгений Щепетнов

Справедливости - всем

Евгений Владимирович Щепетнов

Новый фантастический боевик (Эксмо)Путь самурая #2

Лихие девяностые...

Бывший участковый Каргин становится оперуполномоченным. Под руководством некоего загадочного супермена Сазонова он набирает команду своих ровесников, с которыми в изнурительных тренировках оттачивает мастерство в боевых искусствах. Каргин ненавидит бандитов всех мастей и, чтобы раскрыть типичные преступления, зачастую идет на превышение власти. Согласно собственным соображениям, он успешно «чистит» свой город, и никто не способен его остановить. Но не знает, что сам является пешкой в чужой игре...

Евгений Щепетнов

Справедливости - всем

© Щепетнов Е. В., 2018

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2018

* * *

Хотя самурай должен прежде всего чтить Путь Самурая, не вызывает сомнений, что все мы небрежители. Поэтому если в наши дни спросить: «В чем подлинный смысл Пути Самурая?» – лишь немногие ответят без промедления. А все потому, что никто заранее не готовит себя к ответу на такие вопросы. Это свидетельствует о том, что люди забывают о Пути. Небрежение опасно.

Хагакурэ. «Книга Самурая»

Пролог

– Что ты двигаешься, как беременная овца? – Сазонов холодно посмотрел на Витьку, и я едва сдержал улыбку, глядя, как здоровяк дернул щекой. Такое обращение ему явно не нравилось. Оно и понятно – сто девяносто семь роста, сто тридцать килограммов веса, и тут какой-то дед говорит ему такие слова! Да кто он такой, этот старый пердун, чтобы твякать на того, кто придавит его одним пальцем?! Только щелкнет под каблуком, боровик червивый!

– Чего как овца-то? – еще больше нахмурился Витька. – Нормально двигаюсь!

– На кой черт ты столько мяса на себя нажрал? И жира! Лишняя масса уменьшает скорость, резкость удара. Ну что толку от твоего мяса?

– Да мне только попасть, – ухмыльнулся Витька, сжимая и разжимая пальцы, в которых «макаров» смотрелся бы детской игрушкой. Сосиски, а не пальцы!

– Попасть, говоришь? – Сазонов недобро посмотрел на парня, потом на выстроившихся вдоль окна восьмерых парней и спокойно пожал плечами. – Хорошо. Попробуй попасть в меня. Чего застыл? Ну?!

Парни-зрители переглянулись, из них «старичков» было только трое – те, с кем я занимался с самого начала. Они и «подогнали» почти всех остальных, заверяя, что парни проверенные, не трусливые и вообще – готовы на все. Что значит – «на все»? А то и значит – на все что угодно. По приказу командира, конечно. А командир – это я.

Посмотрим, чего уж там. Пока что я не подпущу их к Тайне. В курсе только Шурка Зайцев, он же Косой (по понятным причинам), а еще – Валера Инятин, позывной Янек, и Дима Мелехов, позывной Казак. Мы специально говорили – не «кликуха», не «погоняло», а «позывной». Чтобы отделять себя от бандитской шушеры. Этим ребятам я доверял – до определенной степени, конечно. Шурка служил в охране аэропорта, давно уже занимался карате, бредил единоборствами и сильно страдал от отсутствия денег. Два других парня – примерно то же самое – менты, не высоких должностей, из охраны. Сержанты. И тоже занимались карате, как когда-то и я сам. Только я бросил занятия после того, как погибла моя семья, а вот они не бросили.

В отличие от меня семьи у них не было никогда. Парни молодые, по двадцать с небольшим лет, все после армии сразу ушли в ментовку, где быстро поняли, что палат каменных здесь не заработаешь, социального статуса не приобретешь, и все, что получишь в результате, – это радикулит от сквозняков да цирроз печени в конце своей скучной жизни – от постоянных выпивок после дежурства.

Теперь они не пили. Совсем. Это было моим условием, когда парни шли работать ко мне. Не пили и не курили. Как и я.

Заставить их выполнять мои правила было достаточно просто. Со мной они имели такие деньги, которых не видели никогда в жизни. И боялись потерять такой источник дохода. Какой именно источник? Да самый что ни на есть обычный в девяностые годы – плата за «крышу».

Ох уж эти девяностые! Все как с цепи сорвались! Вдруг оказалось, что народ почти весь состоит либо из бизнесменов, либо из тех, кто желает защитить их от негодяев. Каких негодяев? Да всех негодяев, которые желают получить с бизнесменов проценты от прибыли.

Стоило открыться магазину, ларьку, да просто встать на улице с лотком и начать торговать – к тебе тут же подходят молодые парни и начинают разводить: «Ты чо тут встал?! Тебе кто сказал тут стоять?! Под кем работаешь, кто у тебя «крыша»? Нет «крыши»? Теперь мы твоя «крыша». Будешь нам платить по пятницам... вот столько!»

И платили. А куда деваться? И пятнадцати минут не проработаешь – кто-нибудь из братков да подойдет.

Вот и мы этим занялись – в свободное от работы время. Вернее, от службы. Ментовская «крыша» – она надежнее всего. Это знают все предприниматели. Бандиты живут одним днем, им сегодня сорвать куш – а завтра и трава не расти, завтра или «закроют», или убьют. Так чего заботиться о процветании барыги? О его здоровье и жизни? И вообще стремно – учитывать интересы барыги. Он на то и барыга, чтобы «греть» честных бродяг, настоящих пацанов! Такая его, барыжья, судьба!

А вот менты – совсем другое дело. Менты думают о будущем, они нацелены на долговременное сотрудничество, им нет интереса тебя задушить непосильными поборами. Потому нашу защиту принимали даже с благодарностью, и я следил за тем, чтобы наши клиенты в нас не разочаровались. Поэтому, когда объем работы увеличился, понадобились дополнительные бойцы. Не всегда и не везде я мог вовремя появиться и урегулировать вопрос. Все-таки я на службе!

В общем, ребята подобрали себе подчиненных, объяснив им то, что я потребовал объяснить. Не переходя за рамки необходимости. Само собой, одним из условий работы были тренировки с Сазоновым. И сегодня как раз была первая тренировка с участием новичков. Со мной и с тремя моими... Как их назвать – даже и не знаю! Подельниками? Ведь то, чем мы занимались, вообще-то было преступлением не только с точки зрения наших командиров и начальников, это была уголовная статья, «вымогательство» – вот как это называлось.

Можно было, конечно, попробовать как-то прикрыть наши делишки туфтовыми бумагами, мол, нанялись в предприятие такое-то охранниками, подрабатываем в свободное от службы время. Но, как следует обдумав, я пока не стал этого делать. Фактически это все равно, что создать доказательства преступления своей собственной рукой. А так – взял деньги и ушел. И попробуй докажи, что я их брал. Тем более что я лично в руки денег давно не беру, посылаю подчиненных. Не по чину мне собирать мятые купюры от ларечников. А если будет договор на оказание охранных услуг? Так не имею я права устраиваться на вторую работу, если уже служу в органах внутренних дел. Нет уж, тут как все – не я первый, не я последний. Полным-полно ментов подрабатывает на охране в свободное от службы время. Платят им мало, зарплату задерживают – как жить? Начальство знает, да помалкивает. Прижмешь, разгонишь подчиненных – кто тогда служить будет? По головке не поглядят за развал службы!

Да и не принято выносить сор из избы, тем более что по большому счету у всех рыльце в пушку. Все берут, все крутятся как могут. Время такое...

Нет, совесть меня не мучила. Я ведь отработывал эти деньги по полной. Во-первых, после того как мы с парнями измордовали человек пятьдесят всяческой шпаны, пытавшихся подоить наших клиентов, о группировке Самурая (так меня называли) пошли очень нехорошие слухи среди братвы. Мол, это ментовской беспредел, и лучше с ними не связываться. А значит, если сказали, что под «крышей» Самурая, то лучше и стрелу не забивать. Дурно закончится.

До стрельбы пока не доходило, наши объекты защиты не те куски, ради которых стоило начинать войну, но я знал, что все еще впереди. Предприятий не такое уж большое количество, а вот аппетита у всевозможных группировок выше всяких мер. Голодный, злой молодняк не видел никакой возможности выбраться из нищеты, кроме как единственным способом – пойти в организованные преступные группировки. И пополнял ряды пехоты ОПГ, а еще – ряды памятников на городском кладбище... мясом.

Я ненавижу бандитов. Всех, без исключения. Меня буквально трясет от ненависти, когда я вижу их тупые морды с печатью деградации на хмуром челе, их «аидасы», их шапки-пидорки, натянутые на уши. И я жду. Терпеливо жду, когда Сазонов скажет: «Ты готов!» – и я смогу начать сезон охоты. Точнее – сафари.

Но начну я с тех, кто некогда убил мою жену и мою дочку, проехав на красный свет и уничтожив всю мою прежнюю жизнь. Я знаю их по именам, я знаю, где, с кем и как они живут! Я знаю о них столько, сколько нужно знать о человеке, которого собираешься убить.

А еще я искал преступников. Тех, кто осмелился напасть на моих клиентов, тех, кто их ограбил, кинул, нанес какой-то вред. То есть занимался своими непосредственными служебными обязанностями – как обычный опер. Коим я и служил уже несколько месяцев в городском УВД.

Мы брали за нашу работу от десяти до пятнадцати процентов от дохода – вполне себе приемлемые цифры, если учесть, что бандиты брали от двадцати пяти до пятидесяти, а то и больше, и только лишь за то, что не будут трогать клиента. В отличие от нас, ментов, честно отработывающих бабло...

Итак, тренировка. Сазонов стоял расслабленно, обычный человек неопределенного, старшего возраста – от сорока пяти до семидесяти лет. Сколько ему на самом деле – никто не знал. Никто – кроме меня, да и то я не был совершенно уверен, что ему именно столько лет, сколько было указано в чистеньком, будто только что сделанном паспорте.

Честно сказать, я ничегошеньки о нем не знаю. Ну – совсем ничего! Знаю, что он служил в какой-то специальной службе, что изучал спецприемы, которыми владеет в совершенстве, что Сазонов великолепно разбирается в восточной философии и даже медицине (например, иглоукалывание он делает великолепно). Что разбирается и в фармакологии, а уколы, которые Сазонов делает мне и моим трем основным парням, делают из нас просто-таки боевые машины. Я заметил это не сразу, но заметил. И трудно не заметить, когда можешь выполнить то, чего никогда раньше не мог. Например, несколько раз подряд отжать лежа штангу в двести килограммов или поймать летящие со скоростью пули камни, брошенные в тебя сильной рукой тренера – так, будто эти камни просто зависли в воздухе.

Два месяца понадобилось на то, чтобы я заметил в себе эти изменения, и, честно сказать, меня они очень порадовали. Потому что на огромный шаг приближали к Цели.

Витька выбросил руку со здоровенным кулачищем, собираясь покончить с наглым стариком в первую же секунду. Что ни говори, а боксер-тяжеловес (а Витька был именно им) против «балеруна» с единоборствами типа ушу и нынешнего карате – это все равно как ландскнехт времен Ренессанса по сравнению с нынешними фехтовальщиками. Ну да, нынешние – они такие все из себя спортивные, ловкие, умелые! Смотреть на них – красотища! Вот только ландскнехт привык убивать. И готов быть убитым. Как боксер привык бить и всегда готов получить в морду. Если бы принимали ставки на бой между каратистом и боксером примерно равного уровня – я бы точно поставил на боксера.

Вот и Витька прекрасно знал положение дел и считал Сазонова кем-то вроде «старого сенсея», который будет учить их «балетному» карате. Я не стал особо распространяться – кто наш тренер и что он может. Все равно бы не поверили. Такое нужно только показывать.

Сазонов не стал уклоняться от удара. Он стоял неподвижно, расслабленно – слегка располневший пожилой человек с лицом, на котором оставила свой след вся его нелегкая жизнь. Обычный инженер или бухгалтер, который вышел на пенсию, а потому копается в грядках, ходит в магазин за хлебом и молоком, поругивая правительство за то, что оно творит со страной (и за дело поругивает!).

Я сумел увидеть то, что сделал этот «пенсионер», потому что скорость моего восприятия действительности была в несколько раз выше, чем у обычного человека. Скорее всего, увидели и мои «адепты» – Янек, Косой и Казак. А больше – никто. Потому что случилось ЭТО слишком быстро.

Рука с ударным кулаком отведена в сторону и взята в захват, свободная рука уже держит реципиента за горло, а сам он мягко опускается на пол спиной к противнику, хрипя и закатывая глаза. Секунда, две – и противник в нокауте.

Так же умею делать и я. Очень полезное умение, если хочешь завалить противника, не лишая его жизни. Хотя надо сказать – поддержи его чуть подольше, и он уснет мертвым сном.

А можно и не усыплять, а просто воткнуть пальцы под трахею и вырвать ее «с корнем». Я так уже делал, когда меня хотели «наказать» кавказцы, которым я угробил их маленький бизнес. Кстати сказать, через два месяца после случившегося я узнал, почему Ибрагим так яростно держался за свой ларек. Он хотел толкать через него дурь, а я ему обломал всю малину. Ну вот и решил Ибрагим по своей глупости, что все дело только во мне.

Хорошо, что я об этом узнал. Честно скажу – шевелился у меня в душе некий червячок, шепча: «Ну на кой черт это было надо? Порушил бизнес абреку, вот и вызвал его на агрессию. Не терроризировал бы торговаша, и ничего бы не было!» Но когда стало известно про торговлю дурью – сразу с души отлегло. Ненавижу наркоманов, а тем пуще – наркоторговцев. Буду убирать их по мере возможности. Чистить город от дряни! Вот – Цель! Вот он – путь Самурая!

И для этого мне нужно крышевать торговашей. Деньги-то для работы где взять? Извините – на пути самурая кормить этого самого самурая никто не обещал! И тем более – обеспечивать катанами, броней, луками и стрелами. Сам должен добыть пропитание и оружие! Вот я и добывал. И себе, и своим «вассалам».

Витьку откачали, и минут через пять он уже сидел на скамье, хлопая глазами и едва понимая, что с ним случилось. А через десять минут уже стоял на ногах – как ни в чем не бывало. Боксер, одним словом. Привычка давать, привычка получать. По мордасам, конечно.

– А теперь Андрей. Против вас шестерых. Всех сразу! – Сазонов даже не ухмыльнулся, скосив глаза на мое поморщившееся лицо. – Можно – все.

– Как это – все?! – недоуменно спросил Паша Желтяков, которому скоро предстояло стать... Желтым, наверное. Так легче запоминать.

– Вам можно – все! – Сазонов пожал могучими плечами, в которых не было и грамма жира. – Ему позволяет только то, что выведет вас из строя, но не покалечит. Можете валять его, как хотите.

– Это нечестно! – запротестовал я, чем вызвал улыбку моих соратников, – Какого хрена?! Я что, не могу никого убивать?!

Соратники захохотали в голос, но Сазонов даже не улыбнулся. Он вообще редко улыбался и уж тем более – смеялся. Абсолютный контроль над эмоциями, не человек, а настоящий робот! И по силе, и отсутствию эмоций.

Впрочем, как я могу знать о том, что творится в голове другого человека? Может, у него адреналин зашкаливает так, что сердце норовит выпрыгнуть из груди!

Хе-хе... ага, смешно. У Сазонова – сердце норовит выпрыгнуть из груди! У этой глыбы камня!

А между прочим – смешного мало. Запрет (и справедливый!) ограничивает арсенал моих средств защиты и нападения ровно в пять раз. Все те приемы, которым меня обучал Сазонов на протяжении нескольких месяцев, совсем не предполагали «балерунских» развлечений вроде ушу и тому подобного. Он учил меня убивать, голыми руками и с применением любых подручных средств – начиная со швабры и заканчивая шариковой авторучкой (кстати, очень эффективное средство нападения).

В моем арсенале мало приемов, которые позволяют мне «работать» со взрослыми, достаточно подготовленными к бою людьми, не прибегая к смертельным способам их нейтрализации. В реальном бою я бы вырвал им глотку. Выбил глаз, сломал пальцы. А здесь – что? Как выключить того же Витьку, если и попасть-то по мастеру спорта по боксу большая проблема! А уж вырубить его – совсем уж проблемная проблема! Боксеры, которые не умеют держать удар, не доходят до мастера спорта.

То же самое касательно остальных ребят. Мне стоило немалых усилий найти таких: одиноких, нищих, голодных, готовых на криминал, не боящихся крови, да еще и работающих в милиции. Большое дело, когда ты прикрыт «ксивой»!

Потом буду брать к себе и не ментов – парней со стороны. Но пока нужно образовать костяк организации. Нужная своя ОПГ, которая будет бороться с преступными ОПГ. Эдакая контора по очистке города от нечисти!

Я встал перед шестерыми парнями, задумчиво и слегка насмешливо поглядывающими на меня, и сразу же выбрал себе главную цель – как меня и учил Сазонов. Первым нужно валить того, кто опасней остальных. Если только нет цели завалить определенный объект.

Кто в этой шестерке самый опасный? Ну, конечно, Витька! Если этот «центнер с лишним» поймает на удар, то снесет на раз, «три года перед глазами как живой стоять будешь!».

Вторым нужно валить вот этого – боксера-средневеса Кольку Петрухина. Он резкий, как понос! Такого надо сразу «лечить»!

Самые опасные, наверное, полутяжи – у них нокаутирующий удар, но двигаются они легко, как танцоры.

Средневесы-скоростники. Нокаутеры среди них не все, но если попадет...

Нет – все-таки они равны по степени опасности, и средневесы, и полутяжи. Попадет любой из них – мало не покажется.

Что касается остальных, их я знаю хуже. Двое у Герова занимались, в секции карате, но уровень их подготовки мне неизвестен. Еще двое – бывшие десантники, но только дурак может судить о десантниках по фильмам, в которых «голубой берет» одной рукой забивает толпу хулиганов, а другой при этом щупает девушку. Действительность гораздо прозаичней. Большинство из тех, кто нацепляет на себя тельник и голубой берет, к настоящей десантуре имеет косвенное отношение. Ну да – служил в «войсках дяди Васи», только вот кем служил? Хлеборезом? Или возил комбата на «уазике»? Максимум – висел на турнике, как груша, под насмешками и матом похмельного командира. Не та теперь служба, и не та десантура. Хотя... кто знает? Не зря ведь притащили их мои ребята...

– Начали! – хлопнул в ладоши Сазонов, и парни неуверенно пошли вперед, примериваясь, как бы получше намять мне бока. То, что у них это получится, ни на секунду не сомневались.

Я не стал дожидаться, когда они наконец-то сообразят, как надо меня валить, бросился вперед, рыбкой нырнул под ноги Витьке и, кувыркнувшись через голову, так впечатал ему ногой в солнечное сплетение, что боксер улетел к стене, где и затих, зажав руками свой многострадальный организм. Сегодня ему досталось – вначале от тренера, теперь от меня. Ну, извини, Витя! Не мы такие – жизнь такая! Она тебя точно не пощадит! Скажи спасибо – я удар нанес не в полную силу, иначе бы твоей печени каюк! Вдребезги бы разбил!

Следующим я завалил десантника, сработав его примерно таким же захватом, как сегодня сделал Сазонов, одновременно прикрывшись им от нападавших соратников. Когда десантник потерял сознание и обмяк, осторожный Петрухин попытался достать меня через голову «мешка» и едва не лишился гортани – я даже не ударил, а только лишь щелкнул ему по кадыку пальцем. И этого хватило, чтобы Колян схватился за горло и покраснел, давясь воздухом и пытаясь протолкнуть его в онемевшую глотку.

Остальных пришлось гонять по залу и валить уже там. Они пытались броситься врассыпную, чтобы напасть потом сзади, пока я буду расправляться с одним из них. Само собой, не вышло. У меня ведь глаза на затылке. «Иметь глаза на затылке должен каждый порядочный диверсант» – так говорит мой дорогой тренер. А именно диверсанта и убийцу он из меня и готовит.

Договоренность у нас с ним. Он обеспечивает возможность отомстить за мою погибшую семью, сбитую фургоном «Джи-Эм-Си», мчавшимся на очередную «стрелу» и проехавшим на красный свет, а я помогу ему расправиться с нехорошими людьми, которые портят жизнь людям нормальным. С бандитами, которых я ненавижу лютой ненавистью.

С наркодилерами. Со взяточниками и подлецами, распродающими мою Родину оптом и в розницу.

И самое смешное – его планы никак не расходятся с моими. Я этим и собирался заняться – после того как совершу свою, личную месть. Мне терять нечего, и нет у меня другой Цели, кроме как умереть. Ведь путь самурая – это смерть. И он всю свою жизнь готовится к смерти.

Я давно умер. Умер в тот самый час, в ту самую минуту, в ту секунду, когда увидел на мостовой растерзанные тела моей жены и моей дочери. Умер и возродился – чтобы убивать.

– Ну что же, теперь вы знаете, что может сделать правильно подготовленный человек, даже если против него враг в подавляющем численном преимуществе.

Сазонов был так же спокоен, как и раньше, каким я помнил его все месяцы нашего знакомства. Да, именно месяцы, а казалось, прошла целая жизнь. Почти год прошел с тех пор, как я перешагнул порог его дома и... все изменилось. Совсем все. В лучшую ли сторону? Наверное, все-таки в лучшую.

Впрочем, жизнь покажет.

Глава 1

– Каргин, получи бумаги! – из кабинета выглянул заместитель начальника уголовного розыска майор Игошин и, повелительно махнув рукой, снова исчез за дверь.

Я вздохнул – сейчас навалют всякой дряни, не продохнуть! Я всего три месяца в отделе и уже не раз пожалел, что свалил из своего родного райотдела, где работал обычным, незамысловатым участковым. В городское УВД я попал после того, как прибил Ибрагима и его подельников, решивших преподать мне урок правильного поведения, да так, чтобы я запомнил это навсегда – на все оставшиеся мне пятнадцать минут жизни. Или пять. Это уж как получится.

Учиться манерам я не захотел, «учителей» своих перебил (спасибо Сазонову за тренировки), и после моей эпической битвы поднялся необычайный шум – ну как же, милиционер, самый что ни на есть простой Анискин разобрался с целой бандой вооруженных негодяев! И это в то время, когда все твердят, будто милиция зажралась, работать не умеет, только поборами занимается да водку хлещет! А тут – молодой, непьющий (тогда я уже не пил), голыми руками всех разбросал!

Статья в газете. Медаль на грудь и внеочередное звание – капитан. А самое главное – предложено перейти в городское УВД. Нет, не участковым, обычным оперативным уполномоченным.

Честно сказать, думал недолго. Посоветовался с Сазоновым и на следующий же день дал положительный ответ. Все-таки у опера больше пространства для маневра: гражданская одежда, не привлекающая внимания, опять же – возможность носить с собой штатный ствол – и не только штатный, но в кобуре скрытого ношения. Да и зарплата опера была повыше, хотя что мне зарплата? Я за ней и ходил-то только потому, что так положено. Мне выше головы хватало моих левых доходов от крышевания предприятий.

Честно сказать, я даже не особо знал, куда девать деньги. Пить я не пью, ем достаточно скромно, хотя и добротнo. Ну да, квартиру отделал, купил новую японскую технику: телевизор, видик, магнитола. И – все.

Машина? Есть у меня машина. Досталась, можно сказать, в уплату за работу после того, как я нашел негодяев, убивших родителей одного олигарха.

Могу купить хорошую иномарку, но – зачем? Во-первых, засвечусь возле УВД – у нас не любят, когда простые менты разъезжают на дорогих иномарках. Эдак можно попасть под пристальное внимание УСБ, а они вцепятся, и дорогого будет стоить, чтобы отвязались. Если что, доят они ментов по полной, семь шкур

сдерут...

Опять же, для моих целей лучше всего «девятка» – «мокрый асфальт». Незаметная, неброская серая мышь, которая заводится с первого толчка, а в городе носится не хуже самого быстрого «Мерседеса» или BMW – здесь мощность двигателя особого значения не имеет. Да и не жалко бить, если что. Надо будет, так я завтра еще одну такую же куплю. Или две, или пять!

Сотовый телефон – тоже достался от олигарха. Только перевести пришлось на свое имя. Оно и понятно – разговоры-то пятьдесят центов минута! Охренеешь долго разговаривать! Само собой, не желает олигарх оплачивать мои переговоры.

Дорого, да. Правда, первые девять секунд бесплатно, и, если умеешь говорить по существу и быстро, можно уложиться в восемь секунд. Хотя, по большому счету, что мне эти пятьдесят центов? Ерунда! Я в день зарабатываю столько, что могу говорить по телефону круглые сутки. Но все равно – святое дело надуть телефонную компанию! «Я не жадный, я рачительный!»

Смотрели на меня в первый месяц службы на новом месте как на совершеннейшего выскочку. Ну как же – участковый, «от сохи», который стал опером! В участковые нередко ссылают оперов, которые провинились на фронте защиты правопорядка. Обычно ссылают за пьянку и дебоши, например, пригрозил таксисту пистолетом, отказавшись платить деньги. Или пострелял в потолок в ресторане, привлекая внимание замешкавшегося официанта. Само собой, не в трезвом виде. Обычного мента за такое давно бы уволили, да еще и по мотивам дискредитации, но операм обычно сходило с рук – круженные парни, со связями и с деньгами. Это надо быть совсем отмороженным, чтобы тебя поперли из органов. Например, зайти в магазин и начать стрелять в покупателей. Честно сказать, и такое бывало, но, правда, не у нас, не в нашем городе.

И вот появляется некий «колхозник», претендующий на... нечто. На что именно претендую, честно сказать, я не знал, но встречен был именно так. Мол, непростой парнишка из райотдела, взял да и прыгнул в «город», да еще и на должность повыше! Рука, наверное, наверху! Мохнатая такая лапа! Бандитов побил? Глотки им повырывал? Ишь ты, крутяк какой! Медаль еще дали! Небось не все там так чисто, что-то не верится...

На меня сразу навалили всякой хрени, навешали кучу отвратительных висяков. Каждый опер счел своим долгом перевалить на меня самые отвратные, самые глухие-разглухие «глухари», от которых давно уже смердело затхлостью древних гробниц и законным выговором тому, кто не сумел их раскрыть. И при этом я не мог пока полностью самостоятельно работать, будучи фактически стажером.

Три месяца только и слышал нытье о том, что я веду недостаточно интенсивную работу по розыску, что я неправильно оформляю документы и тому подобное. Сто раз пожалел, что ушел из райотдела, с территории, где знал каждую «синюху» и где меня знал каждый пес, в очередной раз норовивший порвать форменные штаны...

Город разделен на зоны, обслуживаемые зональными операми, одним из которых я и стал. Слава богу, зона, на которой я сейчас трудился, как раз перекрывала мой бывший участок. Иначе мне пришлось бы совсем уже тяжело. Все-таки здесь я знал контингент, имел осведомителей. Или, как это называется на ментовском суконном языке, «доверенных лиц».

Судя по ментовским романам и сериалам, опера только и делают, что выпивают, хохмят, флиртуют с красивыми девушками и между основной своей деятельностью шутя находят преступников. Настоящих злодеев, но по сравнению с бравыми операми – совершенно тупых, хотя и хитрых зверюг. На самом деле главное умение опера – грамотно отбиться от заявления «терпилы». Чем меньше заявлений – тем лучше показатели. Чем больше заявлений, а значит, и «висяков», тем хуже показатели и тем вероятнее грядущие кары.

За что кары? Да за все! За нераскрытие преступлений, за «зарезинивание» заявлений, за несвоевременное оформление документации, коей у нас не меньше, чем у участкового. А еще за отсутствие профилактики преступлений.

Кстати сказать, последний пункт совершенно тупой и служит лишь для того, чтобы было на кого перевести стрелки. Ну, к примеру, совершено несколько убийств подряд, за короткое время. Нераскрытых убийств, что сейчас абсолютно нормально. Время такое, нехорошее время. Поднимается вой в газетах, демократическая общественность негодует: «Почему милиция не принимает меры?! Почему не работает?!»

И власть решает показать, что она денно и нощно радеет за свой народ, из которого эта самая власть исправно тянет деньги и который ни в грош не ставит. В конце концов, если отзвуки и запах происходящего дойдет до самых верхов, могут последовать оргвыводы. А кому это надо? «Не работаете с милицией! Не направляете работу МВД в нужное русло!» И власть начинает направлять. Или, точнее, «заправлять» кому следует «по самое не хочу».

А тут уже по нисходящей: «отодрали» руководство УВД – оно со вкусом и сладострастием «дерет» нижние чины. Ведь и на самом деле – это ведь ОНИ допустили, ОНИ просмотрели, ОНИ не предупредили преступления!

Как опера и участковые (именно их и дерут все кому не лень) должны были упредить и предусмотреть? Как должны были предупредить преступление? Да кого это волнует! На чьей территории случилось ЭТО? На их зоне? Так теперь терпи и не пыхти. Радуйся, что не отправили в народное хозяйство за твою вопиющую профнепригодность...

Справедливости ради опять нужно заметить, что увольняют тех же оперов редко и только за что-то совсем уже вопиющее. Если поймали на преступлении или если вообще перестал приходить на службу, уйдя в затяжной запой. В общем, по дискредитирующим обстоятельствам.

В основном выговорешники, задержка присвоения очередного звания – ну, в общем-то, и все. Повыгонишь подчиненных – на кого будешь списывать свою некомпетентность и глупость? Да и кто-то же вообще должен работать, в конце-то концов!

Вместе со мной служебный кабинет разделяли еще три опера: Петька Самойлов – старлей, Юра Семушкин – капитан и Федька Барсуков – тоже старлей. Семушкин из них самый старый, опытный, можно сказать, тертый калач. Хитрый – просто до безобразия. Меня в первый же день службы в отделе прикрепили к нему на стажировку. Нет, она официально не называлась стажировкой – перевели, так работай как все! Никаких тебе скидок! Но при этом начальник розыска Татаринов прекрасно понимал, что я ни уха, ни рыла не смыслю в тех документах, которые положено уметь составлять обычному оперу. Что участковый заточен совсем под другое – пьяные дебоши, мелкие хулиганы, алкаши всех видов и венец всего, как вишенка на торте, протоколы на граждан, выливающих на улицу продукты своей жизнедеятельности. Помои, проще говоря. И преступлениям в моей жизни если и было место, так только своим.

Потому толку от меня – как от козла молока. И судьба моя на следующие три месяца – бегать с поручениями наставника да слушать его умные речи.

Вот и учил меня Семушкин, что и как нужно заполнять. С тоской учил, с раздражением, но честно дал мне то, что положено знать каждому оперу. Благо, что я схватывал с ходу и повторять дважды мне не приходилось. Ну и гонял по своим делам: кого-то опросить, что-то выяснить, что-то отнести. Мальчик на побегушках, ага! Одно хорошо – на дежурство пока не ставили. Не доверяли. Или это плохо?

Кстати сказать, с тех пор как я связался с Сазоновым, я вообще феноменально поумнел. Памятью и раньше не был обижен, но теперь мог легко, на слух запомнить длинные куски текста, совершенно неудобоваримые для произношения. Мне легко давались языки, и я по настоянию того же Сазонова за считанные недели изучил английский, а потом, в такие же короткие сроки, – французский и немецкий. Произношение, конечно, было «рязанское», но я понимал слова собеседника и худо-бедно мог построить фразу на этих языках. То есть изъяснялся без словаря. И читал без него! С письмом было похуже, но составить понятную записку я мог. Если бы позанимался немного больше – и эффект был бы выше. Но зачем мне языки? Я вообще никогда не стал бы их изучать, если бы не Сазонов, потребовавший это в приказном порядке.

Когда я вошел в кабинет, в нем в одиночестве сидел Петька Самойлов, парень моего возраста – небольшой, круглолицый, крепенький, как боровичок. Он был... никакой. Ни злой, ни добрый – просто никакой. По большому счету он был таким же «случайным пассажиром», как и я. Я некогда пошел в участковые – за квартирой, когда вдруг пошла такая волна, что решили размножить «анискиных», заманивая на должность участкового людей со стороны, «от сохи», обещая им вождеденное жилье. И, само собой, всех благополучно с жильем прокинули. И если я сумел приспособиться к ментовской жизни, став костью от кости серых мундиров, то Петька как был, так и остался шустрим барыгой, устраивающим какие-то свои темные и даже грязные делишки. Вроде как на его жене числились ларьки и магазинчики, где точно, я не знаю, да и знать не хочу. И похоже на то, что держался Петька в милиции только потому, что ему нужно было прикрывать свой бизнес красными корочками. И не выгоняли его потому, что, во-первых, он умел составлять совершенно замечательные бумаги, из пальца высасывая и рапорты доверенных лиц, и рапорты о проведенных розыскных действиях. А во-вторых, похоже, что он хорошенько подмазывал вышестоящее руководство, потому эта самая липа прокатывала у него на раз.

Его не трогали.

Откуда я все это узнал? Ну все-таки не первый год в ментовке, кое-что да понимаю в службе. Вижу, слышу, понимаю с полупамятки сказанное и неслышанное.

Именно Петька скинул мне самые поганые, давным-давно протухшие дела. Например, дело об убийстве парня, которого забили арматурой на окраине города, почти у своего дома.

Шел себе парень да шел, вечер, хорошая погода – чего не шагнуть-то? Но кому-то не понравилось его лицо. Или понравился сотовый телефон, который парнишка купил совсем недавно. Ну и отфигачили его обрезками стальной арматуры, которой в этом рабочем районе больше, чем грибов в хорошем лесу. И умер парень – умница, отличник, программист, аспирант университета. На самом деле хороший парнишка – о нем никто из знакомых ничего плохого не сказал. И вот какая-то мразь взяла и прервала его жизнь. А ведь мог он изобрести что-то такое важное, что перевернет жизнь людей. Или жениться и сделать ребенка, который осчастливит человечество. Или... да вообще – много чего хорошего мог сделать, если бы какая-то тварь не разбила ему голову грязным ржавым прутом!

А вот еще: шла женщина по улице с работы домой. И кто-то воткнул ей в спину нож. Узкий такой нож, заточку. По раневому каналу ясно, что это было нечто, похожее на стилет. За что убили, почему? Кошелек нет, телефона нет. Вот за то, видать, и убили.

Женщине сорок лет, учительница истории. Никто ей не угрожал, никто не обещал ее «наказать» за издевательство над учениками и за выставленные им плохие отметки. Безобидное, как божья коровка, существо, ползающее по миру тихо, беззлобно и незаметно. И вот – погибла.

И, само собой, как и в случае с пареньком-программистом, абсолютный висяк. Такие дела если и раскрываются, то только по горячим следам (поймать прямо над жертвой) или случайно – эти уроды-злодеи начинают болтать по пьяному делу, хвастаясь своими «подвигами». А когда их собутыльников берут и настоятельно советуют сдать все преступления, о которых они знают, действуя убедительно и жестко, то они рассказывают все, что знают о болтуне.

По этому поводу мне вспоминается фильм «Рожденная революцией», где старый спец-полицейский рассказывает о том, как в прошлые времена добывали признание у подозреваемых. Мол, вызывает следователь двух дюжих полицейских и начинают те подозреваемого бить, требуя, чтобы он рассказал все, что знает обо всем. Герои фильма, начинающие милиционеры, тут же возмутились, сказав, что это «не наш метод», но на самом деле сюжет этот – чушь собачья. Ничего не изменилось с тех самых времен. Только бьют не так откровенно. Официально – совсем не бьют. Только почему тогда стулья в кабинетах не имеют спинок и сиденья у всех у них оторваны напрочь?

На второй день моей службы в ГОВД меня вызвал в свой кабинет Татаринов типа на беседу. Я его так до конца и не понял, даже сейчас, про прошествии трех месяцев после знакомства. Вот бывают такие люди, понять которых очень трудно – нужно прожить рядом с ними несколько лет, и только тогда можно сделать хоть какие-то выводы о личности и характере. Да и то не всегда. Скрытный, без лишних эмоций, непредсказуемый и хитрый, каким, в общем-то, и должен быть настоящий опер. А Татаринов и есть опер – тертый, жесткий, знающий. Наверное, один из последних монстров розыска, наследие советской эпохи.

Я не раз думал на этот счет: вот уйдут такие, как Татаринов, и кто останется? Самойлов? Или я, который по большому счету в розыске ни уха, ни рыла?

Хотя, вообще-то, я себя принижаю. Не такой уж я и плохой опер. Ведь нашел же убийц семьи олигарха! И даже заработал на этом деле. Если бы меня не душила куча бумаг, которую я должен составлять ежедневно, да задания Семушкина – так я бы показал, как умею заниматься розыском!

Так вот, во время моего «задушевного» разговора с Татариновым как раз привели одного злодея, пойманного на хазе. По информации, был он кем-то вроде главаря банды, грабившей дачные дома. Выносили все, что попадалось под руку, благо хозяев на месте не было по причине осенней поры, а потом и зимнего времени. Но ладно бы выносили, так эти твари еще и поджигали дома. Зачем? Негодяй так и не смог сказать – зачем. Следы преступления они не скрывали, так зачем тогда поджигать? «Просто так», – ответила эта мразота.

Как материал оказался в ГУВД? Твари подожгли дачу, в которой, на беду, оказался ее хозяин. Хозяину разбили башку, а потом бросили в горящем доме. И дача эта стояла в черте города. Так бывает – вначале все эти дачи находились в

пригороде, но город рос, расширялся, и вот – границы его передвинули на несколько километров. То есть труп оказался на нашей территории.

Само собой, экспертиза показала криминальность трупа, закрутилась машина розыска, и в конце концов опера вышли на этого самого Серого. Его вычислили, взяли на хазах и на радостях сразу же завели в кабинет Татарина.

И вот когда начали его колоть – при мне, ведь я уже «свой», Татарин и предложил: «Каргин, ну-ка, врежь ему ногой в рыло! Давай!»

Что это было, не знаю до сих пор. Может, он хотел меня проверить – насколько я подчиняюсь приказам, даже незаконным. Вряд ли он хотел меня подставить, хотя и это возможно. Опера потом покажут, что это я избивал задержанного, и меня как минимум спишут назад, в участковые. Или уволят. В любом случае – я этого не знаю, потому что не выполнил приказ, не стал бить Серого. Что, впрочем, ему никак не помогло. Через минуту у него на ушах уже висел стул, а еще через минуту он валялся у стены, зажав живот и пытаясь выbleвть свои внутренности.

Подельников, конечно, он сдал. А я ушел из кабинета Татарина с ощущением того, что не прошел некой проверки. Или прошел. Только вот результат был не тем, какого от меня ожидали. Или – тем...

С чего я решил, что меня могли подставлять? И зачем это надо начальнику отдела? Да легко это все можно объяснить. Вдруг в отделе появляется человек со стороны. Человек, которого назначили без ведома начальника отдела. Зачем назначили? Кто он такой, этот парень? Герой, понимаешь ли, злодеев пачками кладет! И его суют сюда, в розыск. С какой целью? «Освещать» деятельность отдела? Может, «соседи» заслали? То есть комитетчики? Так не лучше ли сразу его поставить на место?

Не знаю, возможно, я на этой работе стал параноиком, а может, это результат деятельности у Сазонова, обучающего меня премудростям конспиративной работы, но только теперь я стал смотреть на мир совсем по-другому. И вижу его иначе, стараясь замечать во вроде бы простых, незамысловатых поступках и словах второй смысл. И третий, и четвертый.

Я должен просчитывать свои действия на много ходов вперед и только так могу выжить и сделать то, что должен сделать. Осторожность, хитрость, предусмотрительность и скрытность – вот залог выживания такого, как я. Здоровая паранойя – только в помощь. Ни с кем не дружи, ни с кем не откровенничай, никому не верь, помни – весь мир против тебя!

По большому счету, мне все равно – уволят меня или нет. Конечно, прикрываться красной корочкой выгодно. Но с другой стороны, служба отнимает слишком много времени, а время мне нужно для моей основной работы.

Но если я все-таки еще не уволился – надо продолжать делать то, что обязан делать офицер милиции. То есть служить и защищать. Хотя звучит сейчас это довольно-таки смешно. Защитник, понимаешь ли, служака!

Я слушал Самойлова, который нес какую-то малоумную хрень, и думал о том, что этот придурок заслуживает того, чтобы сломать ему нос. И о том, что, если такие придурки защищают честных граждан от негодяев, мне жаль этих самых честных граждан. И только когда в словах Самойлова дважды повторилась фамилия Татаринова, заинтересовался и уже осмысленно переспросил:

– Что-что? Что Татаринов?

– Я и говорю – ругается Татаринов! Говорит – два балласта у меня в отделе – Самойлов да Каргин! Один совершеннейший осел, которого непонятно зачем тут держат, и второй – герой-Рэмбо, участковый, которому только по помойкам лазить, а не преступников искать! Два кадра от мохнатой лапы! Которых гнать надо поганой метлой! Понял, что творит этот придурок?! Гнать нас поганой метлой, вишь ли!

Я сидел и чувствовал, как мурашки бегут у меня по телу. Только что я думал о том, что мне все равно, если меня вышибут со службы, но, когда подошел к барьеру вплотную, это оказалось очень неприятным откровением. Я в одной компании с Самойловым, которого презираю всеми клеточками своего организма! Он считает меня подобным себе – таким же придурком, попавшим сюда по протекции некоего мохнатолапого индивидуума! Это ли не унижение?! Меня аж дрожью пробило!

– А откуда ты знаешь, что он это говорил? – мой голос даже охрип, и я едва не «дал петуха», каркнув, как старая ворона.

– Знаю! – многозначительно подмигнул Самойлов, и я тут же сообразил – это у кого-то из замов ГОВД Татаринов распространялся обо мне и моем «соратнике». А может, и у «самого». Уточнять не стал, все равно не скажет. Да и не надо. Вполне очевидно, что тут и как.

Впрочем, и спросить я ничего не успел. Дверь распахнулась, и в кабинет вбежал-ворвался Семушкин, мрачный, как туча. Ни на кого не глядя и не здороваясь, он уселся за свой стол и начал что-то искать в ящиках, выдвигая их один за другим. Похоже, что нужного ничего не нашел, откинулся на спинку старого офисного кресла и замер, глядя в потолок. А потом, ни к кому не обращаясь, сказал:

– Татаринов уходит. Рапорт написал на увольнение.

– О как! – обрадовался Самойлов, и Семушкин пристально, непонятно посмотрел на него, сфокусировав взгляд, как снайпер на дальней мишени:

– Чему радуешься?! Тому, что уйдет настоящий сыщик? И кто тогда будет искать злодеев? Ты, что ли?

– А что, какие-то претензии? – ощетинился Самойлов. – Чо тебе надо? Я те чо, соли на хвост насыпал?

Семушкин снова посмотрел на него, махнул рукой, мол, что с тобой разговаривать?! И снова повисла гнетущая тишина.

Впрочем – не такая уж и тишина. За окном, не так далеко, жужжали машины, проревел пневмосигналом какой-то автобус, а может, частник, поставивший на машину гудок от грузовика (сюда грузовики не пускали). Шумел ветер в ветвях дерева, стоящего рядом с окном. В коридоре кто-то протопал, бормоча что-то неразборчиво, с кавказским акцентом. Только мозг отсеивал весь этот привычный фон, оставляя лишь то, что было для него важным. Например, эта напряженная тишина, повисшая после слов Юры.

– Юр, – неожиданно для себя спросил я, – а он вообще-то хороший человек, этот Татаринов?

Семушкин удивленно поднял брови, будто впервые меня увидел, и недоуменно помотал головой:

– Ты чего? Хороший, плохой – какое это имеет значение? Ты не породниться с ним сюда пришел. Служить. Но если уж так встал вопрос, он справедливый мужик. И отличный опер, с огромным стажем. И когда он уйдет, отдел потеряет очень много. Уходят профессионалы, а приходят...

Он не сказал, кто именно приходит, но я понял: «Такие, как ты!» И мне вдруг стало стыдно, и я в очередной раз горько пожалел, что ушел из участковых. Вот на кой черт мне это было нужно?! Ну зачем я поддался и пошел в этот отдел?!

– Каргин! К Татаринову! – Открылась дверь, и в нее заглянул помощник дежурного, сержант Васечкин. – Мухой давай! Он ждет! Злой, кстати, как черт!

Во все времена дежурная часть – особая структура. Захотят осложнить тебе жизнь – для этого есть много, очень много возможностей. С дежурными лучше не ссориться. Васечкин так-то парень неплохой, вот только наглец необычайный, ни в грош не ставящий ни капитанов, ни целых майоров!

Вообще-то, в ментовке не особо смотрят на звание. Важнее должность. Мне всегда было смешно, когда в каком-нибудь фильме про ментов сержант подходит к менту-летехе едва не строевым шагом, называя его «товарищ лейтенант». Идиоты-сценаристы ни малейшего представления не имеют о том, какие на самом деле отношения в описываемой ими государственной структуре, в просторечии именуемой «внутренними органами». Эти акулы пера считают, что милиционеры ведут себя так, как строевики в какой-нибудь воинской части! Дураки, самые настоящие дураки! Давно уже воспринимаю все фильмы про ментов как глупые комедии, ничего общего не имеющие с реальной жизнью, как, впрочем, и большинство моих сотрудников.

Запереть свой сейф – дело нескольких секунд. В нем наброшенные на меня пачки уголовных дел, документы, которые я регулярно заполняю вместо того, чтобы ловить преступников, а еще – потертый, почти лишенный воронения «макаров», мой личный пистолет, который лучше всего никогда не брать с

собой.

Почему не брать? Да потому, что его сразу видит опытный глаз – кобура скрытого ношения оттопыривает рубашку или легкую куртку. А зимой, пока долезешь до пистолета, сто раз тебя убьют.

Засунуть за пояс, как это делают киношные герои? Сзади засунуть – в машине сидеть неудобно. Спереди – его видно, да и упирается он тебе стволом в самое, так сказать, святое. Не дай бог случайно пальнет – останешься кастратом и до конца жизни будешь петь мелодичным тонким голоском. Службе, правда, это никак не поможет. Да и потерять на бегу этот самый ствол можно. И вот это уже гарантия увольнения. Что может быть страшнее потери личного оружия? Даже за утерю удостоверения не будут так терзать, как за потерю выдавшего виды, древнего ствола.

В общем, лежит мой ствол в сейфе, отдыхает и ждет, когда его призовут на стрельбы (раз-два в году) или случится что-то совсем уж экстраординарное – например, спецоперация по поимке сбежавших с этапа заключенных. Вот там уже без ствола никак. Хотя в этом случае могут выдать автомат. С «калаша» коренить сбежавших злодеев гораздо сподручней.

А еще, если нет пистолета, значит, и нет соблазна его применить. Применишь – будешь отписываться долго и трудно, доказывая, что стрелял ты правомерно, что, прежде чем пристрелить говнюка, сообщил ему, что ты работник милиции, и он должен прекратить неправомерные действия по набитию морды этому самому работнику милиции, выстрелить в воздух (лучше дважды) и только потом прострелить ему ногу или руку. И не дай тебе боже «промахнуться» и попасть в тупую башку! Все газеты либерального толка будут полны статьями о беспределе распоясавшихся ментов...

Всегда завидовал американским полицейским. Полицейский приказал – злодей не выполнил требования лечь на землю, и... бах! Бах! И все, отбегался, болезный!

Постучав и не дождавшись ответа, я толкнул дверь с табличкой «Начальник ОУР». Кстати сказать, почему мы всегда входим в дверь, не дождавшись ответа на стук? Знаем, что нам не ответят, да? А если знаем, так зачем стучим? Это загадка русской души. Их много, таких загадок, и, если задумываться над

каждой, можно сойти с ума. Потому я тут же выбросил из головы эту дурацкую мысль.

Татарин сидел за столом, читая какие-то бумаги. Когда я вошел, бросил на меня взгляд и тут же снова углубился в чтение, всем своим видом показывая, насколько я ему безразличен.

Кстати, и этого не понимаю. Ну вот ты вызвал, я пришел – так на кой черт изображать из себя суперзанятого человека? Ну не нравлюсь я тебе, ладно – нам ведь с тобой не жить в одной квартире, и ты никогда не будешь моим тестем! Неужели нельзя быть хотя бы немного вежливее со своими подчиненными?

Я стоял у стола, не делая попытки усесться. Если что и не любит начальство больше, чем попытки подкопаться под их должность, так это проявление явного неуважения к непосредственному начальнику. А что такое, как неуважение, если подчиненный вламывается в кабинет и нагло усаживается на стул, совершенно не думая о том, что совершает святотатство?!

Наконец, мой непосредственный начальник закончил изучение невероятно важных бумаг и приступил к изучению более интересного объекта – оперуполномоченного Каргина, убогого и ничтожного (такое определение легко прочитывалось во взгляде маленьких, недобрых глаз).

– Садись, Каргин! – сказал так, что можно было легко представить Татаринова судьей, отправляющим преступника на отсидку. Только срок пока не назван.

– Сколько ты у нас уже работаешь? Три месяца, так?

– Почти три месяца, – не стал отпираться я, зная, о чем сейчас пойдет речь.

– И каковы результаты? Что ты раскрыл за это время? Какую пользу принес обществу?

«Большую пользу! – так и хотелось сказать в ответ. – Я подготовил команду чистильщиков и скоро начну убирать с улиц ту грязь, которую ты не смог убрать!»

Само собой, я этого не сказал и не скажу. Никогда не скажу.

– Я стажировался. Меня не допускали до самостоятельной работы, вы же знаете. А вместе с наставником я...

– Знаю, что с наставником! – прервал меня Татаринов. – Твоя стажировка закончилась сегодня! У тебя есть розыскные дела, ты их принял. И что сделал по этим делам? Какие меры принял к розыску преступников?

– Я же говорю, стажера... – начал я, уже злясь, и снова Татаринов меня прервал:

– Знаю, стажер! И – что? Все равно ты должен был принять меры! Еще раз опросить потерпевших! Осмотреть место преступления! Ты это сделал? Нет! Ты вообще, что тут делаешь, у нас в отделе? Ты зачем сюда пришел? Просиживать стулья? Бумажки писать? В общем, так: две недели тебе сроку на раскрытие убийства на Миллеровской и убийства возле кинотеатра «Заря». Не будет результатов – я поставлю вопрос о неполном служебном соответствии. И ты отправишься на то место, которое тебя достойно, – в участковые!

Не знаю, какой бес дернул меня за язык, но только когда уже ляпнул, сообразил, что же такое я сморозил:

– Говорят, вы подали рапорт на увольнение?

Татаринов тяжелым взглядом посмотрел мне в лицо и будто окаменел. Сидел, как статуя Будды, только Будда добрый бог, а от этого человека веяло неприкрытой угрозой. Холодной угрозой, как от нависшего над головой камня, едва держащегося на краю скалы и качающегося при порывах ветра.

– Надеешься, что не успею? Уволюсь, прежде чем разберусь с тобой?

Голос Татаринова был бесстрастным и холодным, как лед. Подумалось, с него станется учинить какую-нибудь пакость, чтобы выкинуть меня из органов напрочь и никакого приземления в участковых.

– Товарищ полковник, почему вы меня так не любите? – снова вырвалось само собой, но теперь я не сожалел о своих словах. Ну, какого черта, правда! Уволят?

Да наплевать мне! Больше времени будет на свои дела! На важные дела! Не на писание дурацких бумажек!

– Тебя? – Татаринов задумался на секунду и тут же ответил, хотя я и не рассчитывал на ответ. Кто я и кто он?

– Такие, как ты, дилетанты убивают уголовный розыск. Такие, как ты, бесполезный балласт! Из-за таких, как ты, уголовный розыск превращается в сборище... в сборище... в общем, зря ты сюда пришел! Зря!

Татаринов как-то сразу осел, посерел, откинулся на спинку кресла, полуприкрыв глаза, и замолчал, будто уснул. Я сидел и молчал, не зная, то ли мне нужно уйти, то ли сидеть, глядя на спящего начальника. И снова меня толкнул бес:

– А вы? Вы просто уйдете, зная, что в розыске останутся такие дилетанты, как я? Или мудаки вроде Самойлова? Вам не кажется это дезертирством? Совесть не замучает? Кто будет искать злодеев, когда вы уйдете?

Татаринов открыл глаза, и взгляд его стал странным – будто он увидел меня впервые. Увидел и не узнал. С минуту смотрел на эту «неведому зверушку», которая звалась Андреем Каргиным, потом бесстрастно констатировал:

– Две недели. Результаты мне на стол. Вперед! И с песней...

Петь я не стал, дабы не выглядело слишком уж вызывающе, молча поднялся, вышел из кабинета, буквально физически чувствуя взгляд полковника всей своею спиной. Думал даже, что он что-то скажет мне вслед, что-то такое... эпическое, напутственное, типа: «Верной дорогой идете, товарищ!» Или: «Шел бы ты подальше, тупоголовый павиан!»

Итак, брошен в воду – плыви или тони. Я решил плыть. Злость – вот двигатель многих человеческих поступков. Иногда она мешает жить, а иногда – только в помощь. Заело меня. И правда – какого черта этот Татаринов считает меня полнейшим идиотом? Между прочим, я в участковых был не на самом плохом счету!

Уходя из ГОВД, пистолет оставил в сейфе. Зачем он мне? Я сам теперь... как пистолет.

И сразу понятно, чем участковый отличается от опера: в руках нет здоровенного дипломата с бумагами. Странное ощущение – ты на работе, а руки свободны! Так и хочется взять в руки что-нибудь тяжелое, квадратное. Чтобы не было разрыва шаблона, чтобы как всегда!

А пистолет у меня все-таки был. Только не дурацкий служебный «макаров». Честный трудяга «марголин», из которого я мог пристрелить муху на стене кабинета, даже не особо напрягаясь. Как персонаж одного рассказа, который именно так и развлекался – бил мух из дуэльного пистолета. «Выстрел» – так вроде рассказ называется.

Под сиденьем лежит мой «марголин», ждет своего часа. Есть у него замечательная особенность – мягкие свинцовые пули, которые при попадании в кость плющатся так, что по ним нельзя установить, из какого конкретно оружия они были выпущены. И при всем при этом звук выстрела малокалиберного пистолета гораздо тише, чем у «макарова». А если еще и навернуть на него глушитель, сделанный мне по заказу на приборостроительном заводе, так звук вообще превращается в нечто похожее на то, как если бы рядом кто-то выдернул пробку из бутылки вина. Вот только мощность в этом случае падает процентов на тридцать, если не больше.

«Девятка»-«мокрый асфальт» завелась с полтычка, я привычно включил заднюю передачу и плавно, без рывка отъехал от здания ГОВД. Миновав ворота КПП, осторожно ввинтился в поток машин и поехал по улице, приводя мысли в порядок.

Итак, что я сейчас должен сделать? Найти убийц, совершивших преступление четыре месяца назад. Через четыре месяца – это никак не по горячим следам! Ей-ей, мне эти дела спихнули именно потому, что были они чем-то вроде бетонного блока на ногах жертвы. Гарантированный способ сделать так, чтобы несчастный никогда уже не всплыл со дна речного!

Что я имею? Место преступления – заводской район, кинотеатр «Заря». Самый что ни на есть криминальный район города. Картинка: идет парень, разговаривает по сотовому телефону. Мечта любого парня – сотовый телефон. А

у этого лоха – есть! А у них, у реальных пацанов, – нет! Несправедливо!

Что мне делать дальше? Надо ехать туда, на место преступления. Но не сейчас, а вечером, в то время, когда возле кинотеатра, возможно, будут кучковаться те, кто мне нужен.

А пока – к Сазонову. Общая тренировка будет вечером, сейчас – персональная. Почему персональная? Потому что Сазонов по непонятным мне причинам отказался обучать моих соратников специальным приемам. Особым приемам максимально эффективного убийства. Отказал без каких-либо объяснений. Сказал, что эта тема – табу. То есть он не будет отвечать на мои вопросы на данную тему. И даже спарринговать, применяя эти приемы, я могу только с ним. Ну и еще со злодеями, которые точно этого не переживут.

Сазонов был дома. Вечером запланирована общая тренировка, в спортзале, который я взял в аренду. По большому счету, это был не спортзал, а что-то вроде теплого склада в одном из предприятий, благополучно «отпущенных» государством на вольные хлеба. И предприятие распустило большинство рабочих в отпуск без содержания, обрекая их практически на голод, и усиленно сдавало в аренду многочисленные производственные площади. А люди – как хотите, так и выживайте – вот лозунг нашего времени. Отвратительного, жестокого времени.

Большой, чистый и теплый склад, некогда бывший хранилищем высокоточных приборов, стал нашим спортивным залом, благо что нам не нужно было ничего особого, кроме деревянного пола и уединенности (чтобы и заглянуть туда никто не мог). Осталось только повесить боксерские мешки и груши, поставить несколько штанг со скамейками да выгородить кабинет, который на время стал нашей штаб-квартирой и одновременно – бухгалтерией.

И бухгалтер нашелся – Косой привел своего знакомого, Льва Семеныча Шварценфельда, утверждавшего, что родом он из поволжских немцев. У меня большие сомнения на этот счет, так как Лев Семенович точно не прошел бы исследование своего черепа в специальной службе Третьего рейха, определявшей по форме мозгохранилища принадлежность к очень хитрой, изворотливой и – я не побоюсь этого слова – мудрой расе. Он картавил, обладал копной черных с проседью курчавых волос и огромным, горбатым шнобелем, но при этом, как ни странно, был антисемитом и утверждал, что все беды государства идут от евреев.

Когда я впервые это услышал от него лично – едва не расхохотался, и мне стоило большого труда сохранить каменное лицо и даже покивать в ответ на идиотические размышления о всемирном заговоре «жидов-рептилоидов».

Не люблю нацизма, все-таки я был и остаюсь советским человеком, воспитанным простой советской школой в духе интернационализма. При этом я человек очень практичный и рациональный, и если мой работник хорошо исполняет свои обязанности, выполняет мои приказы и совершенно мне лоялен – пусть верит хоть в заговор карликовых бегемотиков-гомосексуалистов или в нашествие русалок-лесбиянок. У всех в голове свои тараканы. Вот я, к примеру, считаю себя живым мертвецом, случайно задержавшимся на этом свете, и хочу убить много всякого нехорошего народа. Так что же теперь, со мной дела не иметь?

Шварценфельд выполнял свои обязанности не то что хорошо – с блеском! Он не только вел нашу бухгалтерию, учитывая поступающие в черную кассу деньги, но еще и распределял их согласно моим указаниям – что-то на развитие бизнеса, что-то на зарплату сотрудникам. А еще – и это очень важно – он осуществлял аудит фирм, которым мы «ставили крышу». Платили-то они от доходов. И как определить доход, от которого фирма заплатит законный «оброк»?

Во-первых, Лев Семеныч разбирался с бухгалтерской документацией, которую ему предоставляли наши клиенты. Во-вторых, он отслеживал темную деятельность фирмы, закономерно полагая, что большую часть доходов она пускает мимо официальной кассы.

Отследить не так уж и просто – попробуй отследи все финансовые потоки, если фирма занимается и торговлей, и строительством, и сдает в аренду помещения! Но для того и существуют умные, а еще – продажные люди. Там подмазал, тут подмазал, и всегда найдутся те, кого обидел директор, кому не нравится зарплата, просто те, кто за деньги продаст и мать родную, и родину. И они расскажут о родной фирме все, даже то, чего и сам директор с его замами не знают. И эти данные Лев Семеныч предоставлял уже мне для решения, какой данью обложить клиента, и для принятия мер, если тот занижает свой доход, обманывая «крышу»-благодетеля.

Занижение доходов – у каждого второго. Почему-то люди считают себя умнее других и абсолютно уверены, что их делишки не сможет раскопать никто. Огромное заблуждение. Лев Семенович обладал чутьем акулы, чующей запах

крови в морской воде за десятки километров. Он безошибочно определял доходы фирмы с погрешностью в два-три процента, снижая ошибку в расчетах до одного процента после проведения комплексной экономической разведки. В свои пятьдесят лет он был азартным игроком, который с наслаждением играл роль то ли сыщика, то ли Робин Гуда и при этом абсолютно не заморачивался вопросами морали.

Странная личность, конечно, – смесь бессовестности и абсолютной лояльности. Лояльности к своим и бессовестности к чужакам.

Плачу я ему очень хорошо. Очень. За один месяц он получает больше, чем какой-нибудь нищий профессор за целый год. Но Лев Семеныч стоит своих денег до последней копейки. И он самое удачное приобретение за все время моей новой жизни. Не знаю, что бы я делал без такой вот акулы капитализма.

Само собой, я сразу его предупредил, чем занимаюсь, предупредил, что, если он попробует меня предать или обобрать, не проживет и дня. Но первое его ничуть не беспокоило, а второе он воспринял вполне нормально, сообщив, что предавать не собирается, потому как считает предательство тяжким грехом, а он человек верующий и грешить не будет по определению. Чем тоже меня очень насмешил – видал я и верующих подлецов, и неверующих бессребреников. Но потом понял – бухгалтер (или лучше назвать его финансовым директором) говорил все это вполне искренне, веря в свои слова так же, как верил в священную для каждого христианина книгу – Библию.

Я читал, что самые истовые верующие христиане получают из выкрестов – евреев, принявших православие. Но ведь Шварценфельд – немец! Наверное. Впрочем, мне нет никакого дела до его нации. Совсем нет дела. Как и до нации любого из моих работников. Или точнее – соратников. А может, подельников?

Конечно, нас пытались обмануть. И не один раз. Но после того как мои миньоны устроили разгром в офисе одной фирмы, убедились, что обманывать нас бесполезно и очень опасно, и выплатили круглую сумму за обман. После этого число пытающихся нас надуть уменьшилось многократно. Слухами земля полнится.

Шварценфельд уже не раз заговаривал о том, что стоит зарегистрировать что-то вроде охранной фирмы с правом вести коммерческую деятельность. Тогда

можно получать деньги безналом, притом совершенно официально. В этом случае и не придраться: официальный доход – это не то, что мятая пачка купюр, залитых пивом и соусом из банки с килькой. Но я все-таки пока не решался.

Правда, все-таки подумывал это сделать – и правда, наверное, будет удобнее работать. Посажу в кресло директора кого-нибудь из парней, а может, даже и самого Шварценфельда. И будем работать как работали, почему бы и нет? А уволят – так и черт бы с ним. И правда – чего я так держусь за ментовскую жизнь? Сейчас деньги все решают. «Корочка» уже вторична.

Сазонов открыл мне, как всегда, молча возникнув на пороге дома, как призрак платяного шкафа – квадратный, бесшумный и твердый. Настоящий ниндзя. Не киношный. Киношных ниндзей этому «старичку» на один укус – штук двадцать.

Вначале мы пообедали, и во время обеда я рассказал ему о том, как мне живется-может в уголовке Главка. И как мне надоело такое ко мне отношение и такая жизнь. А еще – как вижу свое ближайшее будущее в этом бушующем мире, что на самом деле есть миг между прошлым и будущим. На что Сазонов мне настоятельно рекомендовал держаться за должность столько, сколько смогу продержаться, так как мой нынешний статус позволит максимально быть в курсе поисков меня самого. А если я покину ряды доблестной милиции – контролировать события будет труднее. Хотя и вариант с увольнением тоже будет вполне приемлем. В общем, решать мне самому. А то, что Татаринцов принял меня в штыки, так это нормально. Какой начальник любит, когда к нему назначают сотрудника, не испросив его, начальника, согласия? Такой мутный сотрудник сразу же вызывает подозрения и, как следствие, неприязнь. Скорее всего, все утрясется. В любом случае – делай свое дело, и будь что будет.

С таким оптимистичным напутствием я переоделся в форму для тренировок, и мы начали свой ежедневный – на протяжении уже нескольких месяцев – жестокий, злой тренинг моего многострадального тела, выковывая из него идеальное оружие против Зла. При этом оставляя за скобками тот факт, что выковывается клинок очень тяжело, получая по своей еще довольно-таки мягкой стали в высшей степени болезненные удары.

Справедливости ради нужно сказать, что я уже совсем не тот лох, что некогда переступил порог дома Сазонова, дыша в сторону застарелым многодневным перегаром. Теперь Сазонову стало гораздо сложнее оставить на моем теле синяки, шишки и растяжения. Хотя, увы, до его уровня мне еще далеко. Но какие

наши годы? Посмотрим, что будет через год! Если, конечно, я его проживу...

Глава 2

Вначале собирался ехать один. Потом подумал и решил: нефиг геройствовать. На всякую хитрую задницу может найтись прибор с винтом. Шпана с Заводского района борзая, арматуры у них хватает, как и ножей, а в темноте, пока толкуешь с моральными уродами, лучше всего иметь нелишнюю пару глаз у себя за спиной.

Нет, конечно же, есть и еще один способ разобраться сразу и радикально – подъехать и перестрелять к едреной фене всех козлов, которые окажутся на месте. Это хороший способ, и он меня привлекал. Но вот проку от него совсем немного – в плане моих первоочередных задач. Во-первых, покойник мне ничего не расскажет. Следовательно, я не могу быть уверен, что завалил того, кого нужно.

Во-вторых, мне необходимо было не завалить, а найти убийц. А это совсем другое дело. Найти, притащить их в отдел и сделать так, чтобы эти самые убийцы раскололись до самых пяток. Последнее, вообще-то, несложно – я не собираюсь с ними миндальничать. А вот первое...

Янека с собой взял. Валерку Инятина. Давно его знаю, в секции вместе занимались. Почему у него такой позывной? Да похож Валерка на парнишку из старого польского сериала «Четыре танкиста и собака». Был там такой парнишка, Янек, – небольшой, светловолосый. Так вот Валерка – ну копия того Янека! И фамилии созвучно: Инятин – Янек.

Янек, вообще-то, интересный парень, на вид – совершеннейший лох. Ну такой – правильный лох! Который заступится за девочку и нормально огребет пилюлей, а девочка потом, сидя у постели, будет протирать ему героические кровоподтеки и ссадины. Только вот впечатление от его внешнего вида очень-очень обманчиво! Если кто и будет потом лежать на постели и ждать, когда ему протрут фингалы, так это не Янек. Более бесстрашного, более резкого и даже жестокого бойца трудно себе представить. Если он не сможет победить, то просто сбежит, но перед этим положит уродов немерено и половину из них

покалечит до состояния нестояния.

Я потому его и выбрал – знал, что Янек готов на любой кипеж, кроме голодовки. Ему только дай «потренироваться», и лучше, чтобы это было с участием настоящих «кукол». Фанат, понимаешь ли, боевых единоборств. Он и ко мне пошел, скорее всего, не потому, что идейный борец с преступностью, и не потому, что хочет денег. Нет, стоило только услышать, что его будет обучать особый тренер, обучать приемам, которых он раньше никогда не знал, тут же и загорелся. Глаза заблестели, щеки порозовели – обо всем забыл! Даже не фанат он – фанатик! Так-то я по жизни не люблю фанатиков – в чем бы то ни было: в вере или в убеждениях. Страшные люди, которые ради своих убеждений ни друга не пожалеют, ни родню. Но тут случай особый, такие люди, как Янек, – это что-то вроде оружия, что-то вроде острого клинка. Которым можно и порезаться, но, если использовать правильно, если направлять его в нужную сторону, будет незаменим.

Я позвонил Янеку перед тем, как ехать, вкратце объяснил ситуацию, и через час мы уже катились по широкой улице, слушая музыку и вдыхая запах мокрой земли и распускающихся почек.

Весна! Начало мая! Только что прошел Первомай, скоро девятое – Праздник Победы. Хороший праздник, добрый. Только вот менты от всех этих самых праздников стонут и воют. Обязательно – усиленный вариант несения службы. Обязательно – драки, мордобой, поножовщина и убийства. Не умеет наш народ отдыхать без того, чтобы не набить морду ближнему своему. В ночь после праздника райотдел обычно забит перемазанными кровью пьяными ублюдками. Нет, я не про ментов (хе-хе!). Ментам в эту ночь не то что выпить – вздохнуть некогда. В одном углу кого-то вяжут на «ласточку», в другом участковый оформляет протокол по «пьянке». В дверь камеры барабанит совершенно потерявший ориентацию отморозок, и без того по жизни тупой, а от паленой водки совсем ополоумевший. Когда он начнет бросаться на соседей – его тоже положат на «ласточку». Это такой прием, когда «пациент» лежит на животе, руки назад, за спину, привязаны к согнутым ногам. Я не знаю, как это называется официально, но у нас это – «ласточка». Пятнадцать минут – и реципиент начинает блажить, горючими слезами оплакивая свою судьбу. Часа не выдержит никто – без того, чтобы не завывать как волк, проклиная все и вся и умоляя палачей его отпустить.

Впрочем, на такой долгий срок никого не вяжут. Чревато. Вдруг с негодяем что-то случится? Сердце, например, откажет. А потом отписывайся! Эдак не в народное хозяйство можно загреметь, а в Нижний Тагил, на ментовскую зону. А там не слаще, чем в обычной.

Нет, праздники я разлюбил после того, как пришел работать в милицию. И весну разлюбил. После того как в мае погибла моя семья. Осень – сентябрь, октябрь – вот хорошее время года. И прохладно, и красиво. Летом – жарко. Зимой – холодно. А мой организм лучше всего переносит двадцать градусов тепла, не больше и не меньше.

На место приехали раньше времени. Солнце уже садилось, но до темноты еще довольно-таки далеко. Так что у кинотеатра (давно уже не работавшего) никого не было. Нечисть не любит солнечного света. Нечисть выползает в темноте. «Час Быка» – это время, когда выползает вся нечисть, вся мразь, которой не нужно жить в этом мире.

Наверное, кто-то может сказать: «Неужели тебе их не жалко? Ведь это заблудшие мальчишки из неблагополучных семей! Пьющие родители не смогли дать им хорошее образование, научить морали! Вот они и оказались на улице, где их подобрали все эти шайки! Мальчишек надо воспитывать! Надо прививать им бла-бла-бла...»

Нет, не жалко. Во-первых, это не мальчишки. Шестнадцать-восемнадцать-двадцать лет – взрослые люди. Наши деды в этом возрасте в атаку поднимались! Фашистов убивали, погибали в бою! А эти твари, эти нелюди только и умеют, что сидеть на корточках, харкать и гоготать над дебильными анекдотами.

А еще – бить по голове умных парнишек, которые могли осчастливить человечество своим светлым разумом. А теперь нет этого разума. Совсем нет! Черви его едят. Разве ЭТО справедливо?

Мы проехали мимо кинотеатра, отсмотрев пути отхода от места тусовки. Его сразу можно было заметить, это – вытопанный пятак возле скамейки советского еще производства. Тогда делали скамейки такой прочности, что разбить их можно только из танкового орудия. Чугун! Хотя теперешним отморожкам и такой подвиг по плечу.

Вокруг пятака – ящики, на которых то ли сидели, то ли раскладывали хавчик и бухло. И весь этот пятак завален бычками разного калибра и модификаций, среди которых явственно выделялся всем известный «Беломорканал», будто специально производимый по заявкам наркоманов. Очень уж удобно забивать в него «косячок». Вытряс табак, смешал его с анашой и натолкал обратно в бумажную гильзу. Дешево и сердито!

Осмотрев, отъехали подальше в сторону, чтобы не светиться. Благо что по дороге Янек заметил круглосуточный ларек со всякой (на мой взгляд) не очень удобоваримой едой. Янек тут же сообщил, что, если он не пожрет, его вклад в борьбу с прогрессирующей преступностью будет невероятно мал, склоняясь к полному нулю или даже минусу. Ибо двигаться не может тот автомобиль, в который нерадивый хозяин вовремя не залил горючки.

Пришлось встать у ларька и, задыхаясь от запаха фастфуда, слушать и смотреть, как Янек чавкает здоровенной шаурмой. Я есть не хотел (недавно ведь от Сазонова!), и даже запах этой неаппетитной дряни вызывал у меня непроизвольный спазм желудка. Настанет апокалипсис, и то – последнее, что я возьму пожрать, это будет шаурма, сделанная в Заводском районе, на улице Пролетарка. По слухам, делают ее из бродячих собак, грязными ссаными руками, а еще... еще... много чего еще делает этот потный, заросший курчавыми волосами продавец шаурмы. Этот луноликий джигит. О чем я тут же сообщил Янеку, перечислив все свои и народные подозрения относительно мерзкого морального облика продукта. Что подействовало на Янека меньше, чем никак; он с завидным наслаждением сожрал свою отраву, потянулся и, блаженно улыбаясь, сообщил, что теперь готов повести левой рукой, чтобы переулочек образовался во вражеском войске, и повести правой – чтобы улица! Илья Муромец, понимаешь ли, мать его за ногу!

Потом мы долго сидели в машине, дожидаясь времени, когда тьма надежно укроет ненавидимый всеми прокураторами район города. Делать было нечего, только сидеть да говорить ни о чем. Вернее, больше говорил Янек, я же только слушал, вставлял междометия типа «Ага», «Точно!», «Угу». Что вполне устраивало моего собеседника, упивающегося своим словесным дождем. Или поносом.

В основном Янек обсуждал тренировки, приемы, которые изучил вместе с напарниками у Сазонова, способы нанесения травм и увечий несчастным, которые в свой недобрый час окажутся на пути жестокосердного бойца, а еще –

женщин, до которых Янек был очень большой охотник.

Справедливости ради нужно заметить, что и женщины были большими охотницами до Янекова тела – похоже, что, увидев этого ботана, каждая вторая потенциальная жертва любовных страстей загоралась к Янеку чувством сродни материнскому. Им хотелось его накормить, напоить и в баньке напарить. Ну как Баба-яга – Иванушку. Только вот в сказке не рассказывается, что Иванушка делал с этой Ягой в той самой баньке. Янек же всегда горел желанием поделиться впечатлениями о встрече с очередной своей пассией. И, как ни странно, обычно это происходило именно в бане, то бишь в сауне.

Я лично брезгую не то что заниматься сексом в общественной бане, коей, по большому счету, и является сауна, но даже и мыться в этом заведении. Слишком хорошо знаю, какой контингент посещает эти пункты раздачи продажной «любви». Можно такую там подхватить заразу – мало не покажется! Янек же может зависать в этих саунах днями напролет, не боясь ни болезней, ни разгневанных мужей, с женами которых он в бане и осуществляет свой гнусный разврат. В первом случае помогают современные лекарства, со слов Янека, вылечивающие все подряд за три укола, во втором – боевые способности, позволяющие справиться с законными мужьями, либо убежать, если те прибегают к нечестным способам ведения боевых действий вроде применения обрезов или «калашей». Впрочем, до последнего у него пока не доходило, хотя угрожали не раз.

У Янека был свой путь самурая – эдакий путь сексуального отморозка, и этот путь когда-нибудь все равно закончится дурно, о чем я ему не раз уже говорил. Но кто слушает умных людей, тем более если наставляемому едва исполнилось двадцать два года? Хорошо хоть, что признает мое главенство и беспрекословно исполняет приказы. А то, что он секс-отморозок, так в нерабочее время и делу пока не мешает. Пусть дурит – кто из нас без греха?

Кстати сказать, пока слушал, живо вспомнил свою бывшую любовницу, служившую в райотделе, в детской комнате милиции. Когда я перешел в ГОВД, мы с ней расстались. Наконец-то расстались. Тяжелая связь, хотя и очень бурная, и в высшей степени сладкая. Я знал ее мужа, потому встречаться с ним, здороваться было очень неудобно. Совесть-то у меня все-таки есть! Встречаешь его, и тут же в глазах – она! Ее глаза, лицо, грудь, бедра, ее стоны... И у тебя кровь бросается в лицо. Краснеть каждый раз, как ты видишь ее мужа, – что может быть глупее?

Да и любовницу наша связь тяготила, хотя каждый раз, как мы попадали на дежурство в одни и те же сутки, она буквально требовала, чтобы мы занялись сексом. Признавалась, что я ей как наркотик и что рада бы от меня отказаться, да никак не может.

Любви в общепринятом понимании у нас никакой не было. А тянуло друг к другу, как магнитом. До воя тянуло, до скрежета зубовного!

Первые дни после расставания, когда я ушел из отдела, не один раз порывался приехать к ее дому, перехватить, вывезти за город и как следует... Но сдерживался. Заглушал мысли работой, суетой, и... потихоньку отпускало. И правда, это как наркотик!

Потом все-таки отпустило. Хотя до сих пор, как вспомню – кровь бросается в пах. Так бы и бросил ее спиной на стол, схватил за упругие бедра и...

А все чертов Янек со своими секс-рассказами! Маньяк чертов!

– ...и вот они обе встали на колени, первая взяла...

– Пора! Поехали! – прервал я его яркий рассказ, достойный газеты «Спид-инфо». Завел уже порядком остывшую машину и, передернув плечами, включил вентилятор отопления. Все-таки ночью холодно – начало мая! Если поглядеть в овраге – еще и снег не растаял! И не только в овраге.

Все-таки стоило мне надеть свитерок под тонкую куртку, да днем жара была, как летом. Ну, ничего, побегаю за злодеями – согреюсь. Хотя лучше бы согреться, сидя на сиденье своего персонального автомобиля. И не бегать. Бегать лучше трусцой, для здоровья, а не догоняя придурка, который сдуру вдруг захочет сунуть тебе в живот ржавый фонарь. Говорят, это очень больно...

Машину мы оставили в сотне метров от места рандеву, чтобы и недалеко, и чтобы мутные тени, помаргивающие огоньками сигарет, не заинтересовались моей не приметной «тачпой». Было бы слишком вызывающе подъехать к толпе и начать выпрашивать по интересующему меня вопросу: «Это не вы убили парня?»

Вообще-то процесс, который я сейчас собирался производить, туп до невозможности и прост, как трехлинейка Мосина. И не изменился со времен царской охраны. Берешь подозреваемого и выколачиваешь из него правду. Разговоры по душам, доказательства с листом экспертизы в руках – это не про наших гопников. Клали они с прибором на эти разговоры! «Ничего не подписывай, ни в чем не признавайся!» – вот их главный закон.

И, кстати, очень эффективная тактика. Если у тебя нет реальных доказательств, а одни лишь подозрения, то выйдет мерзавец на волю и пойдет, смеясь над законом, который настолько беззуб и немогуч, что можно теперь творить все что угодно. Я не хочу, чтобы эта гадость творила все что угодно. Терять мне нечего, я же мертвец! Так что берегитесь!

Коротко посоветовавшись, закрыли машину ключом, не ставя на сигнализацию (звук постановки на сигнализацию в тишине вечера разносится едва ли не на километры вокруг), и медленно, оглядываясь по сторонам, пошли по направлению к кинотеатру.

«Заря» – старый кинотеатр советских времен постройки – представлял собой грязно-розовое типовое здание. Если ты видел хоть один кинотеатр в рабочем районе областного города – ты видел их все. Сейчас он закрыт. Кино в наше время смотрят по видею или по ящику. В кинотеатрах открывают казино, ночные клубы, рестораны. До «Зари» очередь пока не дошла – скорее всего, боятся лезть на рабочие окраины, здесь контингент не тот, чтобы зарабатывать на них большие бабки. Будут непрерывные разборки, драки, поножовщина и стрельбы. И, в конце концов, местному ментовскому начальству (точнее – местному населению) этот беспредел надоест, и клубешник закроют. Это знаю я, знают и все, кто хоть мало-мальски имел дело с местной гопотой. По большому счету – кто держит эти клубы? Та же самая гопота, только за счет жестокости, хитрости и беспредельной подлости поднышавшая до уровня «авторитетных бизнесменов». Уж они-то точно знают, как обстоят дела в районах, из которых сумели выползти в богатый деньгами центр города, подняться над серой массой здешней гопоты.

Вокруг «Зари» – пара ларьков с бухлом и всевозможной дребеденью вроде чипсов и ядовитого ситро «Колокольчик», чуть поодаль – единственный на всю округу фонарь с целой лампой. Как до него не добралась гопота, почему он все еще светит – одному богу известно. Впрочем, может, нарочно не добралась – как хабар делить, если ничего не видно? Зажигалкой светить – влом! Опять же, как

увидеть жертву, если она крадется в темноте?

Пустырь, заросший полынью, по весенней поре представленной голыми палками-стеблями, похожими на бамбуковые штыри на дне ловушки вьетнамских патриотов. Все это место, весь этот район – сплошная ловушка, из которой выбраться можно только вперед ногами. И эти парни знают свою судьбу. Но мечтают. Например, стать крутым бандитом, купить себе тачилу BMW и кататься, гордо свесив в окно левую руку с горящей сигаретой. А справа – вульгарная телка с нарисованными бровями и выгоревшими пергидрольными волосами. На большее они не рассчитывают, воображения не хватает.

Кто-то скажет, что они не виноваты в том, что стали такими ублюдками, что это государство сделало из них мразей, которые ни в грош не ценят человеческую жизнь и наслаждаются страданиями людей. Но я отвечу: человек – сам кузнец своего несчастья. Много людей живет в Заводском районе, но только эти стали мразями, паразитирующими на других людях. А паразитов нужно убирать! Давить! Я так считаю.

– Здорово, пацаны! – Янек вырвался вперед и с благодушной улыбкой во все свое лоховское лицо предстал перед толпой отморожков. Вот же сцука, любит он вызывать огонь на себя! И не придерешься! Мол: «И чего я такого сказал? Они сами начали!» Не начнешь тут, пожалуй, когда рожа так и просит: «Я маменькин сынок! Дайте-ка мне скорей по харе!»

– И чо? – откликнулся кто-то из серой аморфной массы.

– Да ничо! – снова расплылся в улыбке Янек и, надо сказать, в довольно-таки идиотской улыбке. У него в такие моменты глаза делаются какими-то стеклянными, как у куклы. Предвкушает кровь, упырь чертов!

– Побазарить надо! Кто у вас тут самый авторитетный? – миролюбиво добавил Янек. Как я и требовал! Даже не добавил на что – рифмованную матерную гадость, что означало бы немедленный геноцид окружающих.

– Все авторитетные! – буркнул кто-то справа, и тут же спросил, явно накручивая себя: – Чо ты тут выпрашиваешь, в натуре?! Ты что за хрен с горы?! От кого базаришь или так, залетный фуфел?

– Ты метлу-то придержи! – посерьезнел Янек. – За фуфела и ответить можно!

Ну, все, понеслось! Янек вошел в колею. Когда надо вызвать кого-то на конфликт – милое дело выставить его вперед. Почему он всех так раздражает? Сам удивляюсь. Хотя... сейчас он и меня раздражает, хе-хе...

– Да ты кто такой, чтобы спросить за фуфела?! – из толпы выдвинулся парень чуть выше Янека, остролицый, уголовного вида. (Ну почему они надевают эти дебилские кепочки? В чем тут цимес? Выглядят полнейшим ведь говном!) – Ты, в натуре, рамсы попутал?! Приходишь к пацанам и начинаешь непонятки мутить? Чо замолчал, фуфлыжник? В штаны нассал со страха?

Вот теперь стало понятно – если тут и есть кто-то старший, так это он, придурок в кепке. Не самый крепкий, не самый сильный, но дерзкий и духовитый. Если кто-то и знает за происходящее на районе, так это он.

– Милиция. Уголовный розыск! – вмешался я, мелькнув красными «корочками». Конечно, никто ничего не рассмотрел, да мне и не надо. Я представился, они слышали, что еще-то? И тут же добавил:

– Ты задерживаешься для...

Закончить я не успел. Янек ударил парня кулаком в солнечное сплетение – без замаха, резко, жестко, как в боксерский мешок. И с такой скоростью, что даже я засомневался – сумел бы уклониться от такого удара, заблокировать его или нет. Парень молча так мешком и свалился на землю, а Янек выпрыгнул вперед и несколькими ударами свалил еще троих – так быстро, так легко, что казалось, зверствовал он не над отмороженными ублюдками, которых боится весь район, а над детьми детсадовского возраста. В который раз я видел, как он это делает, и каждый раз слегка удивлялся. Техника у него на высоте, точно. Но, кстати, я его валю на раз – спасибо Сазонову за спецтренировки.

– Атас! Менты! – Толпа разбежалась в разные стороны, Янек рванул за каким-то типусом, намереваясь геноцидить и его, но я тут же остановил, успев уцепить за рукав:

– Хватит! Нам этих-то таскать – не перетаскать! Ты их там не убил случайно? Только этого бы не хватало до полного счастья...

Янек наклонился, пощупал глотки:

– Не-ет! Все как в аптеке! Четко! Пульс глубокого наполнения, просто спят! Веревка-то есть? Не хотелось бы, чтобы они проснулись в самый интересный момент...

Я сходил за машиной, оставив Янека бдить на месте, мы связали руки-ноги отморозкам (наручники у меня только одни! Да и таскать с собой их влом), а потом, кряхтя, матерясь сквозь зубы, перетаскали их на заднее сиденье машины. Благо что ублюдки все мелкие – то ли печать вырождения на зачатых в пьяном угаре индивидуумах, то ли употребление алкоголя и наркоты дало свой негативный эффект. В любом случае в машину все четверо поместились – штабелем, как четыре бревна.

Кстати сказать, пока вязали и грузили, никто так и не подал признаков жизни. Крепко все-таки их приласкал Янек. О чем я ему и сказал, выразив свое глубокое неудовлетворение: когда-нибудь он ошибется, и останемся мы с трупом на руках. А оно нам надо? На что он тут же справедливо парировал, что, если бы не валил их наглушняк, вся эта затея могла завершиться совсем уж дурно. И что, если я такой умный, надо было валить их самому! А? Боишься завалить насмерть? Так вот и не гунди под руку! Все ништяк, а по-другому и быть не может!

В чем-то он был и прав – когда на тебя летят пять человек на одного, думать о том, что надо сохранить жизнь ублюдкам, как-то бы и не с руки. Не до того.

Машина хорошенько просела. Мягкая! Нас двое – я семьдесят с гаком кило. Янек... хрен его знает сколько – но килограммов полсотни точно. Или больше. Четверо ублюдков – грубо – килограммов по пятьдесят-шестьдесят. Вот и набирается три с лишним центнера. А теперь – по кочкам и рытвинам, пружины автомобильные сажать!

Во мне проснулся рачительный хозяин, и я медленно, стараясь не раскачивать машину, повел ее по грязной, в дырках как от бомбежки дороге.

Ехали мы минут двадцать – на Молочную Поляну. Есть у нас такое место отдыха и траха горожан. А еще – место захоронения тех, кого надо прикопать и сделать

это поближе и покомфортней. Чтобы далеко не ехать. Вроде почти в городе, но – настоящий дубовый лес, кусты, трава. Прикопаешь – хрен кто найдет.

Нет, мне пока не приходилось тут никого прикапывать, но вот на выкапывании останков бизнесмена, которого тут грохнули и прикопали, я бывал. Неприятное зрелище, скажу с полной ответственностью.

Почему Молочная Поляна? Да кто ж ее знает. Может, потому, что некогда, в давние-предавние времена, здесь была ярмарка, сюда пригоняли скот степняки да и селяне с окрестных деревень. Хочешь купить корову или лошадь – пришел на ярмарку, выбрал, вот тебе и животное. И молоко от нее. Потому, наверное, и молочная.

Это я хроники городские читал – от делать нехрена. Интересовался историей города. Тут у нас и скифы с сарматами некогда бегали, иногда даже наконечники бронзовые находят. Я так-то люблю историю, даже когда-то мечтал стать археологом, да вот... в ментах оказался. Жизнь, она такая...

Когда поднимались в гору, как обычно, в первую очередь увидел кучу машин, не меньше десятка, стоящих на смотровой площадке, на самом верху над городом. Машины тонированные или зазеркаленные, что там делается, увидеть невозможно, но догадаться – как нечего делать. Часть тихо стоят, часть раскачиваются, будто под порывами ветра. Процесс пошел! Народ размножается.

Яnek радостно захихикал, показывая на это средоточие порока, и сообщил, что бывал тут, и не раз, – сделал дело и сиди, разглядывай город весь в красивых огнях! Приятно!

У него есть старенькая «девятка» – купил с первых «гонораров», которые я ему выплатил. Как сказал Яnek – это сняло много проблем с обеспечением процесса окучивания экземпляров женского пола. Тут тебе и стол, и дом, и... постель. Машина – это хорошо! Во всех отношениях. И как люди живут без машины?! Куда бабу вести, если машины нет?

Мы поднялись на гору, по извилистой асфальтированной дороге доехали до незаметного съезда направо, надеясь, что в конце пути никого из развратников не будет, и через пять минут остановились на полянке, украшенной черными

пятнами костровищ.

Вообще-то жечь костры в природном парке запрещено, но и проследить за отдыхающими трудно, да и страшно – начнешь законом махать, можешь того и не пережить. Это я про лесников всяких. Мало ли тут какая шушера у костра расположилась! Лучше пусть жгут костры, за героизм в конторе не доплатят и на похороны не скинутся.

Машину я заглушил, фары выключил, но габариты оставил. Хватит света и от подсветки. Глаза привыкнут – и все как на ладони. Тем более что ночь довольно-таки светлая – полная луна.

Тут же обнаружилось, что пациенты пришли в себя и пытаются сообщить нам что-то интересное, например рассказать о наших сексуальных пристрастиях, естественно, извращенных. А также знают наших родителей, с коими, как ни странно, имели секс в извращенной форме. Бормочут, в общем, всякие гадости, не думая о том, что все это может закончиться очень плохо. А почему не думают? Да потому что мы представились им ментами, а менты на мокрое дело точно не пойдут. Побуцкать – могут, забить до смерти – тоже, но это если одного. А когда их четверо – никто не рискнет валить всех четверых, да и одного тоже при свидетелях не станут. Нас видела целая толпа народа, возможно, следили потом, когда мы вязали говнюков. Так что по большому счету ничего особого им и не грозит. Как им кажется.

Первым мы взяли в оборот того, кого признали главарем. Остальных пока бросили на опавшие листья бурчать и извиваться. Один попробовал было поорать, что-то вроде: «Менты убивают!» – но Янек так ему пнул в живот, что гада закорючило и вырвало. В воздухе сразу запахло блевотиной, перебивавшей сладкий запах весеннего леса.

Главаря поставили к дереву, примотав руки над головой к здоровенной ветке. И что характерно – как только он остался стоять навтыжку, сразу прекратился словесный понос, начавший мне уже крепко надоедать. Эти все «волки позорные» и «мусора» – с матерными добавлениями – не способствуют протягиванию ниточки доверия между допрашиваемым и вопрошающим.

Наконец, реципиент все-таки понял, что дело швах, и уже почти нормальным человеческим голосом спросил:

– Что надо-то, в натуре? Чего беспределите? Да вы точно – менты?

Я не стал его убеждать или разубеждать. Коротко ткнул сложенной «копьем» рукой в подреберье, и, когда жалобные стоны и пыхтение смолкло, тихо и вкрадчиво спросил:

– Около трех месяцев назад в районе кинотеатра убили парня. Разбили голову арматурой. Забрали трубу и лопатник. Раздели. Уверен – ты знаешь, кто это сделал. Скажешь – и гуляй на все четыре стороны!

Я врал, конечно. Что значит – на все четыре стороны? Надо у него узнать, какие еще преступления совершаются в этом районе. А по обстоятельствам – и вербануть. Взять с него расписочку, что: «...Вася Пупкин добровольно согласился сотрудничать с правоохранительными органами, освещать деятельность криминального элемента в городе Н». Правильная расписка привяжет гада ко мне, как цепью. Если ее пустить в ход, показать кому надо – Вася Пупкин и двух дней не проживет. Особенно если будет в это время сидеть в СИЗО. Или отдыхать на зоне. Не любят там стукачей.

Но это в том случае, если подонок не замешан ни в чем серьезном – никого не убил, не изнасиловал, не покалечил. Таких негодяев-убийц надо уничтожать. А вот если это мелкий гоп-стопник, да еще и в авторитете среди своих придурков, он может высоко подняться (или опуститься) по карьерной лестнице криминального мира. А иметь компромат на уголовного авторитета бывает в высшей степени полезно.

Ну что сказать, конечно, он никого не видел, о преступлении не слышал, и вообще к таким делам никакого отношения не имеет. Ангел, да и только.

Когда Янек побил в него, как в мешок, это никак нам не помогло: «Не знаю, не видел, не слышал».

Вот тут, конечно, вопрос – может, и правда не слышал и не видел, а может, и видел-слышал. И как дойти до истины? Только путем эксперимента. Трудным путем, неприятным.

Развешали по веткам трех других кадров. Такие же парни, как и их главарь, только немного помладше. Ему на вид лет двадцать пять, им – лет по

восемнадцать-двадцать. Печать вырождения на лицах, запах изо рта, и не только перегара. Они вообще какие-то вонючие, несет как из помойки! Ну одното ладно, переблевался, а вот остальные? Неужели нельзя помыться, сменить одежду, чтобы от тебя не воняло луком, потом и ссаньем? Вот ведь в самом деле – отбросы!

Сдались они довольно-таки быстро, и тогда я понял, почему молчал их предводитель. Ему было что терять. Это он и разбил голову парню – с двумя своими поделеньниками. Тех здесь не было, они остались внизу, можно сказать, не повезло. Нам – не повезло. Хотя это еще как поглядеть! Вообще-то, это раскрытие. То, чего от меня и ждали.

Их даже не сильно побили. Так, слегка помутузили. Даже ребра не сломали, а они уже и поплыли. Главное – психологическое воздействие. Хотя и хороший пинок в ребра – славное подспорье умному психологу.

Сдались они тогда, когда мы начали решать, где следует их закопать. Достали две лопаты, которые я заранее купил в хозяйственном магазине, отвязали двух выглядевших наиболее подавленными и заставили копать могилу. Вид ямы, в которой ты будешь лежать до второго пришествия, очень помогает прочистить мозги. И вопли «пахана», что: «Это менты, они не пойдут на мокрое!» – ничуть не испортили решимости поделиться с нами ценной информацией. Особенно когда я выбил их бывшему главнюку передние зубы. Обмотал тряпкой кулак и врезал, стараясь бить так, чтобы не сломать челюсть, – ему еще говорить будет нужно! Каяться!

Теперь нужно добраться до поделеньников главнюка. Скорее всего, их у кинотеатра уже не было – долго мы провозились с допросом, да и разбежались гады во избежание. Твари чувят, когда дело пахнет керосином. Спят ведь! Потому, скорее всего, они сейчас сидят по домам. Или по хавирам ныкаются.

Мы выяснили, кто из пленных наиболее информирован, и подробно расспросили его об ареале обитания злодеев. Все узнали: явки, адреса, контакты. Уяснили, что без участия проводника поиски затянутся едва ли не до самого утра – скорее всего, на целые сутки. А потому – с нами отправился один из троих непричастных к этому делу, двух других оставили в лесу. Нет, не убитыми и не привязанными к дереву – мы же не древнее племя мордвы! Это у них, у мордвы, был такой обычай – встретили, понимаешь ли, чужого в своих краях и... – р-раз! К дереву его привязать. Навсегда. Комар до смерти не зажрет – так зверь

попытается. И тут интересный факт – во многих языках «чужой» и «враг» обозначается одним и тем же словом.

И, может быть, они были в чем-то и правы. Вот эти парни – точно заслуживают быть заеденными комарами – досуха выпитыми. Я знаю, что ничего хорошего из них не получится. Знаю, что, в конце концов, они совершат нечто подобное тому, что совершил их идейный вождь. Но только вот пока не могу так просто их прикончить. И дело не только в том, что могут привлечь к ответственности. Просто пока не за что лишать их жизни. Не перешли еще черту. Ни они, ни мы.

На удивление оставшиеся в лесу негодяи не стали вопить, требуя отвезти их в людное место, дабы не утруждать свои худые ножки. Как только развязали им руки и ноги, тут же скрылись во тьме ночной – только кусты затрещали! Чуют, гады, край обрыва, с которого едва не свалились. Чего-чего, а жизнь гопника учит его нюхом чують неприятности.

Двух других загрузили на заднее сиденье. Туда же сел Янек, довольный, будто получил премию или наелся пирожных. Все-таки надо к нему внимательнее присмотреться. Излишне жесток, на мой взгляд. Нехорошо получать удовольствие, когда бьешь в живот беззащитного пленника. Да, это необходимость, по-другому никак, но получать от этого оргазм? Маньяк, что ли? Мне маньяки не нужны.

Хотя, по большому счету, я его понимаю. С каким удовольствием я бил бы в живот того судью, который присудил, будто моя жена и дочка сами виноваты в том, что их задавили! Я потом навел справки – это продажный судья. Про него всякое говорили, но одно абсолютно точно – за моих близких ему забашляли хорошую сумму.

В его бурной деятельности и еще были нехорошие эпизоды – например, сынок одного из авторитетных людей города на огромной скорости буквально снес выехавшую из переулка малолитражку. Погибших признали виновными, так как они должны были уступить дорогу. А то, что физически нельзя было увидеть машину, несущуюся с дьявольской скоростью, – это все ерунда. Недоказуемо! Скорость-то никто не измерял!

Там и еще были дела – такие же мутные и тошные. Но даже вспоминать о них не хочется – об этих педофилах (не доказано!), о насильниках (насилие не

доказано!), о кидалове с квартирами (договор не вызывает сомнения!).

Прежде чем принять решение, я хорошо поработал. Много знаю. Хотя и эпизода с гибелью моих близких хватит для справедливого приговора. Ей-ей, моя семья перевесит жизнь всего мира. Ради них я бы убил все и всех!

Печально все, что происходит с нашей жизнью, и с судом в частности. Рушится страна, летит в пропасть, и некому ее остановить. Совсем некому! Рвут ее на части стаи злобных шакалов, и нет охотника, который их всех разгонит. Пьяный президент, олигархи во власти, продажные судьи и не менее продажные менты. Куда мы все катимся?

На первый адрес мы попали примерно в три часа ночи. Это была обычная, стандартная панельная пятиэтажка, в подъезде которой пахло трупом. Нет, скорее всего, тут никто не помер – просто вот так тут пахнет. Заходишь, и аж с ног сшибает. Запах трупняка, падали, помойки. В подвале регулярно прорывается канализация, да плюс постоянно течет вода. Вся эта адская смесь настаивается надохлых кошках и собаках, и получается то, что получается.

Как тут живут люди – не знаю. Просто живут, да и все тут. Как крысы на помойке. Деваться-то некуда. «Панельки» давно уже должны быть расселить – у них срок службы двадцать пять лет, но стоят проклятые уже и по тридцать пять лет, и больше – пока на голову не свалятся, хрен кто будет расселять. Не то время, чтобы квартиры раздавать за просто так.

Пришлось идти одному, Янека оставил стеречь пленников. Один никуда не денется, а вот второй... можно было бы его, конечно, приковать за руку к машине, но это только в кино преступники смиренно сидят и дожидаются, когда полицейский соизволит вернуться. У нас за это время и ручку над дверью поуродует, пытаюсь выбраться, или еще какую-нибудь гадость измыслит – вдруг он Кулибин и умеет открывать наручники спрятанной в заднице скрепкой? Ну его на фиг, пусть Янек стережет. Что я, один с арестом не справлюсь? Власть я или не власть?

Квартира на третьем этаже, деревянная дверь, даже не обитая дерматином. Да и толку-то обивать – все равно испоганят. Порежут или подожгут – вон дверь напротив. Был дерматин, да, а теперь свисает клочьями, как шкура гнилого дракона. Здесь бы по-хорошему стальную надо дверь, но она денег стоит. Не по

доходам здешнему контингенту.

Сначала потянулся рукой к звонку, очень похожему на коричневый женский сосок, потом в свете тусклой пятнадцативаттной лампочки (на удивление сохранившейся на своем месте) увидел два оголенных провода, торчащих рядом со звонком. Дави – не дави на этот «сосок» – ничего не брякнет. А вот если соединить эти провода вместе, тогда может что-то и получится.

Так и сделал. А когда сделал, с немалым удовлетворением услышал за дверью бодрую трель старого советского звонка. Умели делать вещи наши отцы! Небось лет тридцать звонку, а ревет, как будто вчера сваяли! Мертвого подымет!

Как и следовало ожидать, меньше чем через минуту после такой какофонии за дверью послышалась возня, глазок загорелся световым пятнышком и снова потемнел – закрытый приблизившимся к нему глазом. А потом кто-то грубым мужским голосом – то ли спросонья, то ли с похмелья – спросил, будто решил убить меня напором содержащихся в этом самом голосе яда и злобы:

– Чо надо?! Чо звонишь посреди ночи, придурок?!

– Милиция, уголовный розыск! – Я достал удостоверение, раскрыл его, продемонстрировал глазку. – Откройте! Мне нужен Сычев Сергей!

– Мили-иция! Уголо-о-овный ро-о-озыск? Эй, уголовный розыск, иди на..! Санкцию прокурора давай! Козлы, мусора, совсем оборзели! Чо стоишь – на... пошел!

Вот терпеть не могу людской наглости! Хамства! А еще – когда меня посылают, чувствуя свою абсолютную безнаказанность! Но я сделаю еще одну попытку, почему бы не дать людям шанс? Все-таки пришел в три часа ночи, нарушил, так сказать, покой. Они-то не убивали парня.

Хотя... разве не убивали? А кто воспитал убудка убудком? Кто внедрил в его голову мысль, что убить другого человека, чтобы забрать его вещь, можно и даже правильно? Разве он уродился таким злодеем и сразу пошел молотить по голове прохожих стальным прутком? Нет, неуважаемые, это вы виноваты! Вы бухали, воровали, ловчили, говорили в спину трудолюбивым и непьющим всякие гадости! А он все запоминал. Рос и запоминал. Формировался как подонок и негодяй. А когда вырос, стал взрослым негодяем – пошел убивать. Так что

получите все по полной!

Я размахнулся и со всей дури врезал ногой по двери. Замок выдержал, но дверь ощутимо вздрогнула, подавшись назад. Открывалась она внутрь, так что вышибить ее не представляет затруднений. Никаких последствий, кроме вони в прокуратуре и у вышестоящего руководства. Но и тут можно отмазаться – пусть докажут, что дверь не была сломана! Свидетелей-то нет! Соседи? Да им на хрен ничего не надо! Никто и не выглянет, хоть тут всех по очереди убивай! Это же район такой и время такое. Не советское.

Хотя и в советское время тут было несладко. Таксисты отказывались ездить в эти края: и дорога дерьмовая, и народ опасный. Благополучные, сытые, розовые граждане нашей великой страны и не поверят, что могут существовать такие районы и такие дома. Они живут в своем мире, где дети говорят «спасибо» и «пожалуйста», где на улицах горят фонари и вечерами бродят парочки, где скамейки имеют сиденья, а перила в домах не оторваны и не свисают с лестничных пролетов, как амазонские лианы. Параллельный мир, мир-сказка. А этот мир – реальность! Страшная, адова реальность.

– Да ты чо, в натуре, охренел?! Ты чо дверь ломаешь?! Да я щас тебе башку разобью, волк позорный!

Я застыл в радостном ожидании – вот этого и хотел! Ломать дверь – потом греха не оберешься, а если ты сам открыл...

В руке этого орка была бейсбольная бита и выглядела она как карандаш. Потому что кулак – невообразимого размера. Принадлежал он окорокообразной руке, приделанной к бочкообразному туловищу, покрытому засаленной майкой рейтузного голубого цвета. Ниже майки – застиранные трусы с прорехой на боку, в которой проглядывала бледная, давно не видевшая солнечного света кожа. Этой ходячей стенобитной машине было на вид лет пятьдесят, не меньше, хотя красное, одутловатое лицо, мешки под глазами и застарелый запах перегара указывали на причину преждевременного старения этого субъекта. Пить надо меньше, если коротко, и не будешь выглядеть как Джабба Хатт.

Между прочим, двигался он довольно-таки уверенно и быстро, из чего я сделал вывод, что некогда Джабба занимался то ли борьбой, то ли боксом, и под слоем жира кое-что из мышц сохранилось. А может, от природы всегда был таким –

все-таки и рост располагает, потаскай-ка на себе весь этот вес, волей-неволей мяса нарастишь! Во мне сто восемьдесят пять, так он выше меня минимум на пять сантиметров! Сколько веса? Центнера полтора точно.

Он на самом деле ударил. Я автоматически вошел в движение, захватил руку и, крутанув, метнул этого Куинбуса Флестрина через всю лестничную площадку, используя энергию его замаха по полной и практически не потратив своих сил. Если умеешь, это довольно-таки просто. А я умею.

Слава богу, он не попал в дверь квартиры напротив, иначе высадил бы ее напроочь. Врезался в косяк, подняв пыль, изображая из себя выброшенного на берег кита. И затих, не шевеля ни единым плавником. А я вошел в квартиру.

Уже когда сделал несколько шагов внутри этого вертепа, пахнущего потом, мочой и безнадегой, возник второй эшелон обороны – женщина с пергидрольными волосами, золотыми зубами и массой тела, сравнимой с массой поверженного мной мужика. И вот это было гораздо хуже, чем какой-то там отморозок с бейсбольной битой. Я так и не научился бить женщин, не испытывая при этом заторможенности и ощущения неправильности происходящего. Хотя встречались мне женщины такие, которых не то что ударить – их следовало убить.

И опять мне не поверит розовый, благополучный обыватель – как это так?! Да что ты такое говоришь?! Это же Женщина! Как ты можешь говорить такие слова о ней, о Матери всего сущего!

Не знаю насчет сущего, а вот насчет ссущего – она была его матерью, точно. И стоял этот ссущий в кухне, держа в руке здоровенный ржавый нож. А матушка отморозка повисла на мне стокилограммовой гирей и при этом – визжала, драла ногтями, пыталась вцепиться в глаза, вопила что-то вроде: «Чего вы привязались к моему сыну?! Я буду жаловаться в прокуратуру! Я вас запишу! Сыночка, беги! Беги!»

Сыночка попытался прорваться к выходу, но, на его беду, мамаша обладала крупными габаритами, а если к ней добавить еще и меня – мы закупорили коридор так же верно, как пробка закупоривает бутылку с драгоценным столетним коньяком. И потому отморозок мог лезть или по нашим головам, или у нас под ногами. Отход через окно невозможен по причине третьего этажа и

опасности сломать себе шею, не мытую пару недель.

Пришлось взять «гирю» за голову и постучать оной о стену. «Гиря» сразу поплыла и осела на пол, цепляясь за отвороты моей куртки мертвой хваткой. Как оказалось, пальцы ее были невероятно сильны, и я потратил не меньше минуты, освобождаясь из ее будто стальных захватов.

А потом на меня набросился сыночек – абсолютно неадекватный, с пеной у рта, с ножом в руке. В стене, крашенной голубой масляной краской, осталась глубокая царапина, и если бы я не успел уйти с траектории удара – то эта царапина была бы посередине моего живота, и в ней точно виднелась бы кучка резаных кишок.

Я сломал ему руку. Одним движением, как спичку. Рука застыла буквой «Г» – перелом между кистью и локтем. Надо бы локоть сломать, чтобы на всю жизнь остался инвалидом, но тут уж было не до рассуждений – удар, увод в сторону, захват – треск кости, вопль, и все закончено.

Теперь наружу, пока этот придурок в болевом шоке, не в силах ни вопить, ни оказать какое-либо сопротивление. Мне ведь его на себе тащить! Еще заблюет, скотина. Кстати, может и в машине нагадить...

Настроение совсем испортилось. Сажать в свою «девятку» всякую грязную мразь – удовольствие ниже плинтуса. Это ведь не дежурка, вечно воняющая блевотиной, кровью и мочой. Это вообще-то моя личная машина, и, возможно, скоро я повезу в ней девушку! В конце концов, я давно без женщины (целых две недели!), а тут всякая мразь блюет! Непорядок!

Когда проходил мимо Куинбуса Флестрина (он же – Человек-Гора), тот зашевелился, повернул ко мне голову и что-то попытался промычать. Я не удержался и с размаху пнул его в толстое брюхо. Ощущение было таким, как если бы врезал по стене, прикрытой мягкой периной. Нога утонула в этой «перине», а реципиент даже не вздрогнул. Пришлось врезать еще и по рылу, после чего негодяй наконец-то успокоился и затих.

Янек нетерпеливо подпрыгивал возле машины, и когда я появился – бросился помогать тащить находящегося в полуобмороке клиента. Услышав грохот от падения чего-то тяжелого, напарник хотел броситься ко мне на помощь, но не решился нарушить приказ «Ждать и ни во что не вмешиваться!». Все-таки я

хорошо вдолбил в головы моих соратников, что выполнение приказа – прежде всего!

Дисциплина – прежде всего. Мы на войне, если что. На самой настоящей войне! И здесь нет места махновщине и отсебятине. Я так считаю. И Сазонов так считает. Прежде всего – он.

Окна пятиэтажки так и остались темными. Ни одного огонька, никто не выглянул. Но я побьюсь об заклад на что угодно – хотя бы за одним темным окном стоит сейчас некто и жадно смотрит на происходящее, радуясь, что все это происходит не с ним.

Пленный жалобно поскуливал, баюкая сломанную руку, но не кричал, не блажил, призывая кары на головы «волков-мусоров». Потому что я пообещал сломать ему и вторую руку, если он осмелится такое проделать.

Загрузили всех трех на заднее сиденье (одного пришлось положить на пол), Янек сел рядом – чтобы не измыслили недоброе. Мало ли... терять им сейчас почти что и нечего. Ехать было недалеко, я так-то неплохо знал этот район, да и проводник имелся. Два квартала – и мы на месте, тем более что ночью никакого движения. Тихая майская ночь, в такую ночь только любить и быть любимым.

Что-то меня и правда тянет не в ту сторону. Весна действует, что ли? Любви, видишь ли, захотел... «– Поручик, вы когда-нибудь любили? – Да, сношался!»

Циник, ага... Какая, к черту, любовь? Выжжено все. Привязанность – да. Желание – да. Но любовь?! Моя любовь осталась там, на дороге...

И снова пятиэтажка. Не панельная, кирпичная. И трупом почти не пахнет – почти чистый подъезд! На стенах, конечно, стандартная для этих мест наскальная живопись – интимные части человеческих тел, гипертрофированно большие – видимо, согласно заветной мечте живописца. Горит тусклая лампочка, в свете которой можно прочитать надписи, сделанные фломастером, а еще – чем-то коричневым, возможно, продуктами жизнедеятельности организма.

Да, погорячился я насчет «почище». На площадке третьего этажа лежит куча человеческого дерьма, и на стене, над ней, некий пиит начал писать стихотворение. Но, видимо, вдохновение кончилось вместе с «красками» на

пальце: «Последний раз пишу дерьмом...» Не закончил главный труд всей своей жизни.

Вдохновенный здесь живет народ, точно. Что имеет, тем и пишет. Была бы кровь – кровью бы написал! Но пока в наличии только пахучее ОНО.

Нужную квартиру нашел не сразу – номеров на дверях практически нет. Только на первом этаже один номер и на втором один. Пришлось путем сложных умозаключений вычислять искомое. Вроде как вычислил.

Дверь, слава богу, такая же деревянная, и в этой пятиэтажке народ не вставляет стальные двери – дорого. В центре люди побогаче, там уже через одну стальные – скоро, чтобы попасть в хавиру, придется вызывать слесарей или подрывника с зарядом пластида. Шучу, конечно, – кто это позволит взрывать в жилом доме? А если серьезно, то хрен в стальную дверь войдешь без того, чтобы не наделать большого шума. А что касается отмычек, которыми так лихо открывают двери умелые сыщики, – так это для лохов-зрителей. Какие, к черту, отмычки? Не смешите!

Звонок здесь работал – пронзительная трель слышалась в квартире так, будто никакой двери не существовало. Стены тонкие, дверь тонкая – вся жизнь наружу! Хочешь узнать, о чем говорят живущие в квартире люди, – просто постой минут двадцать на лестничной площадке и будешь знать все их секреты. Хотя какие у них, к черту, секреты? Где лежит записка на черный день? Так нет ее, записки. И будущего нет.

Откликнулись минут через пять. Еще минут пять я убеждал хозяев квартиры открыть, демонстрируя дверному глазку свою красную книжку и пытаюсь как можно убедительнее доказать, что закрытая дверь для меня не помеха и что я войду в квартиру даже тогда, когда они выстроят у двери пролетарскую баррикаду.

Вероятно, убедил, потому что скоро лицезрел перед собой мужчину неопределенного возраста в застиранных пижамных брюках и голубой майке. Узкие плечи, выпирающий пивной живот, серое одутловатое лицо – полная противоположность своему собрату по несчастью, которого я посетил час назад. Общее только одно – тяжелый перегар из гнилозубого рта. Хотя еще и голубая майка, усыпанная пятнами то ли от кетчупа, то ли от дешевого вина.

– Что он натворил? – мужчина настроен был довольно-таки мирно, ему явно было просто-напросто наплевать. Лишь бы незваный гость сделал свое дело и как можно быстрее свалил, позволив погрузиться в недра пахнущей потом и перегаром нечистой постели. Сына хочет забрать? Да черт бы с ним! Только жрет да бухает – отцовское! Хоть раз бы что-нибудь в дом принес, все с дружбанами пробухивает, скотина!

Это все хозяин квартиры сообщил мне, пока мы шли к комнате, в которой предположительно находился нужный мне объект. Он и был там – спал, лежа навзничь, обнявшись с засаленной подушкой. Чтобы поднять его, мне пришлось хорошенько потрудиться – парень нечленораздельно мычал, матерился и даже попытался меня пнуть. После чего я совсем озверел и как следует приложил парня по щекам, выбивая из него дурь и слезы пополам с соплями. Папаша пациента в это время стоял у меня за спиной и продолжал обличать нерадивого отпрыска, с явным злорадством в голосе сообщая, что подлец, после того как приперся ночью домой, выжрал полбутылки его, папы, собственной водяры. И хорошо бы его закрыли на как можно подольше! А лучше – вообще прибили!

Тут я не выдержал и поинтересовался – неужели не жаль сына? На что «папаша» сообщил, что этот... вообще-то, ему не сын, а пасынок ныне покойной супруги, помершей год назад – отравилась продуктами. И что он не чаёт избавиться от этого подлеца.

Запах «продуктов», которыми, скорее всего, и отравилась покойная супруга хозяина квартиры, витал в помещении и был таким насыщенным, что впору было закусить салом и луком, кои лучше всего подходят для закусывания самогона. И нажрался парень не каким-то там вином, а первоклассной брагой, бутылку с которой мой зоркий глаз заметил в соседней комнате. Трудно не заметить резиновую перчатку, «голосующую» на горле ведерной стеклянной бутылки.

Вообще-то, это административная статья – самогонование. И можно даже привлечь самогонщика к ответственности. Я вдруг невольно, как старый охотничий пес, сделал стойку – дичь! Самогон! Но это во мне говорил участковый, для которого самогонщик – одна из главных статей его работы. Для опера, который в основном работает по тяжким, самогонщики совершенно не интересны. Если только они не соглашаются стучать на клиентов и соседей.

Мыча и матерясь, слегка помятый негодяй оделся – не без помощи радостного отчима, и я потащил его вниз по лестнице, следя за тем, чтобы он раньше

времени не разбил башку об угол или о каменную ступеньку.

Потом я уберегал пленного от гибели в открытом канализационном люке, крышку с которого благополучно уперли добрые, но страдающие с похмелья люди, а когда подошел к машине, обнаружил возле нее три бездыханных тела. И Янека – свежего, довольного, как после пары часов в сауне с любвеобильными девушками. На мой недоуменный вопрос он пояснил, что граждане появились откуда-то из темноты и пожелали, чтобы их друзья, кои попросили у них помощи, были бы тут же отпущены на вольные хлеба. Во избежание изнасилования мусоров позорных в извращенной и неизвращенной форме и нанесения им тяжких телесных повреждений.

Закончилось это все плохо – для группы поддержки, конечно. Но не так плохо, как можно было бы ожидать. Все трое были живы, хотя и слегка покалечены: у одного явно сломана челюсть, и придется пару месяцев пить через трубочку; у второго сломана рука и свернут нос; у третьего – нос и похоже, что пара-тройка ребер. Ничего страшного, жить будут. А привел их, скорее всего, наш проводник, которого мы выгнали, когда подъехали к нужному адресу. Где он добыл отморозков посреди ночи – для меня загадка. Какая-нибудь хавира рядом, не иначе. Впрочем, глубоко наплевать, откуда эти твари появились.

Одно только меня озадачило – все трое были мокрыми, как после дождя. И воняли. Я тут же заподозрил неладное – и не ошибся.

– А чо? Они обещали разбить мне башку и нассать в глотку! Я посчитал, что будет правильно сделать так, как они хотели. Нассать в глотки. Ничего страшного! Я вот слышал по ящику, что есть такие чудаки – они мочу пьют, все болезни ей лечат. Кстати, эй, придурок, хочешь свою руку полечить? А то я щас! Ради хорошего дела выдавлю из себя пару капель! Хе-хе-хе...

Пленные в машине завозились, забормотали что-то угрюмо-угрожающее, но невнятное – не дай бог услышат!

Минут двадцать ушло на погрузку. Пришлось вязать всех – вдруг на ходу попробуют выскочить? Хорошо, что я запас веревок с собой вожу – специально положил в багажнике, как знал, что понадобятся!

Впрочем, знал. Не для этих злодеев взял, вернее, не обязательно только для этих. Вообще – для злодеев, которых когда-нибудь буду загружать в машину.

Вообще-то я теперь задумался, а не мала ли машинка? Вот был бы у меня микроавтобус – загрузил бы злодеев, да не трех, а целую толпу! Замечательно бы получилось! Или не микроавтобус, а что-то вроде «крузака». Или «сабурбана». Вот сарай, так сарай этот «сабурбан»! И такой же заметный, как сарай. М-да-а... Нет, «девятка»-«мокрый асфальт» для моих целей все-таки поинтереснее будет. Незаметна, а это главное.

Двери заблокировали, Янек уселся впереди, и мы поехали в ГОВД. Провозились со злодеями почти до утра, так что, когда подъезжали к отделу, город начал просыпаться – на улицах появились машины, первые, ранние прохожие спешили по своим делам. Куда можно так спешить в предрассветное время – не знаю. Даже мысли нет никакой, что могут делать люди, бегущие по делам в такое время! На рынок? Занимать места? Может, и на рынок.

Дежурный, лишь только завидев распухшую руку злодея, которая так и торчала едва ли не под девяносто градусов, поднял хай, заявив, что не примет негодяя, пока ему не окажут медицинскую помощь. Что до пенсии ему осталось всего пять лет, и он намерен отработать их полностью, не рискуя выслугой лет и полагающимися ему льготами. А посему – рапорты на всех злодеев, протоколы задержания, досмотра и самое главное – не забыть указать, что злодей прибыл в отдел с уже поломанными конечностями, а другой – с выбитыми зубами и следами побоев на теле – если таковые имеются.

Злодеи, само собой, видя такое дело, тут же воспряли духом и начали качать права, обещая мне и всем, кто мне помогает, неминуемую кару вплоть до отсидки на мусорской зоне. Однако тут же поняли свою ошибку после незаметных, но очень болезненных ударов в подреберье, вызвавших у них удивленные и жалобные стоны. Дежурный и его помощник, само собой, ничего такого не видели, о чем тут же сообщили злодеям, отправляя их в разные камеры (как я и попросил).

Затем вызвали «Скорую», а пока она ехала, я допрашивал раненого злодея, выясняя и занося на бумагу все подробности совершенного ими преступления. Того преступления, которое интересовало меня в первую очередь. Преступник каялся легко, вздохнул (стоило только потрогать его сломанную руку), рассказывая, что «тот лох» сам виноват, что не надо было ему так грубо

отвечать, когда козырные пацаны попросили, в натуре, позвонить. Что его не хотели убивать, просто так вышло – темно же! А потом били еще несколько раз – чтобы не мучился. Ну зачем ему жить уродом? С проломленным черепом все равно останется полудурком! Вот ты бы хотел жить полудурком? Ну вот!

Деньги? А зачем деньгам пропадать? И кроссовки у него были козырные.

И вообще, виноват старший. Он и предложил заглушить лоха! И вообще, он страшный человек! Запугал! Про него еще много можно побазарить – чего он творит!

Побаразить подольше нам не дали. Прервала «Скорая», которая ехала до нас час с лишним, наконец-то добралась, и женщина-фельдшер с усталым, помятым лицом (спала, наверное), категорически заявила, что пациента нужно везти в травмпункт, чтобы наложить на руку гипс. А перед этим сделать рентгеновские снимки. Пришлось мне остановить допрос и ехать с уродом в горбольницу, так как на месте гипс накладывать отказались. После недолгого размышления решил ехать на своей. Нельзя было терять из виду слишком шустрого пацанчика – мало ли что он выкинет, когда я исчезну из поля его зрения. Усадил на заднее сиденье, приковав наручником за здоровую руку, и повез в больницу.

По дороге высадил Янека, хотя тот порывался ехать со мной и дальше. Ему, как ни странно, очень понравилось ночное приключение. Заводной парнишка, если его направлять в нужное русло, то лучшего оружия и представить трудно. Бесстрашный, как росомаха! И такой же опасный. Хороший все-таки я сделал выбор.

В больнице злодей вел себя тише воды, ниже травы, всячески вызывая к себе жалость врачей и санитарок, поглядывающих на кровавого тирана (меня) так, будто я был палачом в утро стрелецкой казни. Ну как же – такой хороший, тихий мальчик, а мент ему руку ломает! Звери! Сатрапы! Нелюди! Одно слово, мусора!

В конце концов я не выдержал косых взглядов и вкратце, в красках рассказал, что именно этот тихий парень совершил вместе со своими подельниками. И как получил свою травму. Тогда отношение контингента травмпункта переменялось на резко противоположное, и на злодея стали смотреть так, как он того и заслуживает. Делали-то все что положено, но без придыханий и жалостливых, участливых причитаний вроде: «Не больно? Ну, потерпи, потерпи!» Что, в общем-

то, мне и было нужно. После бессонной ночи, мордобоя и окунания в мир злодеев терпеть еще и злобные ненавидящие взгляды от нормальных людей – это уже перебор.

Провозились с рентгеном и гипсом часа два, не меньше, так что, когда садился в машину, день был в полном разгаре – солнце, теплый ветерок, запах пробивающейся из загаженных кошками газонов травы и запах кошачьего дерьма, густо усеивающего все укромные местечки земли. Весна в этом году была поздней, а зима снежной, так что в тенистых местах истекали грязным потом здоровенные глыбы льда, распространяя вокруг специфическое амбре замороженной кошачьей мочи.

По приезде в отдел я тут же попал в круговорот утренней суеты. Все бегали, таскали бумаги, куда-то звонили, чего-то подписывали. В дежурной части менялась смена, подходили начальники, стягивались на рабочие места, готовясь к планерке, опера всех калибров и видов деятельности. Охрана, пэпээсники, обэхээсники, которых теперь называли обэповцами – всякой твари по паре, и все суетятся, все куда-то спешат, и все изображают бурную деятельность под недремлющим оком бдительного начальства.

Во дворе строились рядовые милиционеры – ко всему прочему, здесь еще и курсы молодого бойца для только что устроившихся на работу ментов, большинство которых только после армии. Полгода их будут муштровать, пытаюсь выковать из них карающий меч правосудия. Выкуют, ага. А обирать алкашей и гастеров они сами научатся.

Скоро бурливое горнило успокоится, рассосутся толпы народа, и все пойдет как прежде – размеренно, скрипуче ржавая телега охраны правопорядка покатится по пробитой в земле грязной колее. Все как всегда, все как обычно...

До двенадцати часов я занимался с задержанными, сидя в допросной при камерах временного содержания. Допрашивать у себя в кабинете, на глазах у соратников, – это не по мне. Слишком много глаз и ушей.

Второй подельник поплыл так же быстро, как и первый: сдал вся и всех, нарасказав еще много интересного, то, что я в официальные документы не включил. Это мое. Мой «клад». И я его буду выкапывать.

По конкретному преступлению рассказал без утаек, хотя ничего нового и не дал. Ну да – шел парень. Ну да – забили арматуринами. Обобрали. Ничего нового, ничего интересного. Такое бывало и раньше, но только без летального исхода. В самом деле – не хотели убивать. Видимо, из-за темноты не рассчитал удара. Ну а потом уже добивали, глумились, понтуясь друг перед другом. Ну как же – крутые! Лоха забили!

С главным злодеем пришлось повозиться. И у него добавилось синяков. После обработки он все-таки написал. Сам. И подписался: «Написано лично и мной подписано».

Теперь – все! Не отвертится! Два свидетеля, личное признание, осталось только похищенный телефон найти, но это вряд ли. Злодей его продал на рынке скупщикам. Скорее всего, уже изменили имэй, и... все.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: <https://tellnovel.com/evgeniy-schepetnov/spravedlivosti-vsem>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)